

ПРОРЫВ

№47

(№ 1 2016)

ФЕВРАЛЬ 2016

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Подгузов

**НОБЕЛЕВСКАЯ
ПРЕМИЯ –
СПЕЦСРЕДСТВО
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

Жертва количественной школы
экономического недомыслия... 2

«Лисы» в «винограднике»
марксизма... 14

О партийности науки
и партийности ученых... 15

СТР. 2 - 24

Н. Федотов

**АНТИНАУЧНАЯ
МЕТОДОЛОГИЯ
ЛИБЕРАЛИЗМА**

Часть 1. Доклад «о культе личности
и его последствиях»: ложь мирового
масштаба

СТР. 25 - 38

В. Годяев

ЧИТАЯ ЛЕНИНА.

Научный централизм в партийном
строительстве большевиков

СТР. 39 - 47

А. Лбов

**ДИАЛЕКТИКА
ОБЪЕКТИВНЫХ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ
БЫТИЯ И СУБЪЕКТИВНЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ
В СОЗНАНИИ**

О критике принципа научного
централизма с позиции
недочитанной философии

СТР. 48 - 53

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ — СПЕЦСРЕДСТВО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Валерий Подгузов

ЖЕРТВА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕДОМЫСЛИЯ

После каждого акта присуждения нобелевских премий крепнет уверенность, что история этого комитета близка к завершению, поскольку трудно найти область планетарного бытия, в которой усилия лауреатов нобелевской премии принесли пользу, доход или удовольствие равные, хотя бы, величине гранта имени Нобеля, тем более, в области экономики, литературы и борьбы за мир. Смешно говорить о том, что получатели нобелевских премий мира за последние четверть века внесли какой-нибудь действительный вклад в его укрепление, особенно, Горбачев или Обама. Интересно было бы найти на планете людей, которые руководствуются теориями нобелевских лауреатов в области экономики и помнят их имена за последнюю четверть века. А о том, сколь извращены художественные пристрастия членов нобелевского комитета в области литературы, красноречиво свидетельствует премия, врученная в 2015 году Новодворской наших дней, Светлане Алексиевич.

Однако из всех премий, когда-либо врученных нобелевским комитетом, наибольшую загадку представляют собой деньги, выплаченные Л.В. Канторовичу, за, якобы, блестящую разработку математических методов экономического моделирования и оптимизации хозяйственных решений. Это тем более странно, если учесть, что шла «холодная война», а усилия Л.Канторовича были, будто бы, направлены на повышение **эффективности планирования** в экономике «империи зла», т.е. в СССР.

Симптоматично, что и Ленинскую премию Канторович получил именно тогда, когда Косыгиным в 1965 году была совершена вторая, после Хрущева, крупная диверсия по переводу экономики СССР на рыночные, т.е. фактически, на капиталистические хозрасчётные рельсы.

Последующая история доказала на практике, что не только капиталистический мир, оплативший труды Канторовича, систематически переживает экономические кризисы, несущие миру неисчислимые материальные, триллионные финансовые потери и моральные страдания миллиардам людей, но и социалистическое содружество, в котором экономисты, чем дальше тем больше, игнорировали законы диаматики и, тихой сапой, «втирали» в практику хозрасчётные принципы Канторовича, погружалось во всё большие диспропорции и, наконец, рухнуло, при полном одобрении нобелевского комитета.

(К сведению молодого читателя: диаматика отличается от математического моделирования так же, как живая птица с двумя крыльями отличается от бумажного журавлика с одним крылом. Диаматика, в отличие от математического моделирования, предполагает ЕДИНСТВО качественного, количественного исследования и преобразующей практики, что блестяще продемонстрировано, например, в работах Ленина «Что делать?», «Очередные задачи Советской власти», «Набросок плана научно-технических работ», «Великий почин»..., в то время как высшая математика, является наукой, прежде всего, о рационализации способов обчёта КОЛИЧЕСТВЕННЫХ характеристик объектов и процессов, когда эти величины и зависимости циклопичны, космологичны, микроскопичны и, потому, требуют для обработки больших масс времени, если пользоваться только действиями арифметики. Иными словами, в истории, по мере роста РЕАЛЬНЫХ количественных характеристик хозяйственного процесса,

по мере роста объемов военно-стратегической логистики, совершенствовались и два действия арифметики до такой степени, что освоение новых методов обчёта требуют теперь особой одаренности и, как минимум, пяти лет механико-математического факультета, чтобы, в первом приближении, овладеть арсеналом современных математических приёмов обчёта, обмера и обвеса конкурентов).

В своей «тронной речи», подыгрывая хозяевам банкета за полученные деньги, математик Канторович утверждал, что экономическая наука своей информацией и методологией *«должна обеспечить ВЫБОР решений в соответствии с общими целями и интересами народного хозяйства»*. Дескать, математики-экономисты в кабинетах должны вырабатывать многочисленные методы и предлагать варианты многочисленных «решений», а Политбюро ЦК КПСС - выбирать из колоды «решений», как это водилось у восточных деспотов, одно «оптимальное» решение, главным критерием которого будет цена вопроса, выраженная в деньгах. Легко догадаться, что их выбор каждый раз падал бы на решение с минимальной ценой затрат.

Но нужно иметь бездну наивности, если не злого умысла, чтобы на протяжении всего строительства коммунизма делать мерилom, критерием научности решений - цену, **количество** потраченных денег, а на выходе пытаться получить общество... бессребреников, свободных от грязи денег. Ясно, что все олигархи, присутствующие в зале во время речи Канторовича, с большим удовлетворением встретили слова соискателя денег из СССР о том, что цены и прибыль остаются критерием эффективности в стране, якобы строящей коммунизм. Где здесь олигархам повод для грусти? Для них зажегся свет в конце тоннеля.

Канторович, как и Андропов с Горбачёвым, не понимал, что, в соответствии с учением марксизма-ленинизма, ЦК КПСС и Госплан СССР должны были включать в свой состав кадры, имеющие самые высокие уровни реальных научно-теоретических достижений и практического опыта управления, а коммунизм должен строиться не в соответствии с текущими интересами и не в увязке с одними лишь народно-хозяйственными целями, а в строгом соответствии с ОБЪЕКТИВНЫМИ ЗАКОНАМИ построения **коммунистического ОБЩЕСТВА**, в котором материально-технический фактор играет необходимую, но совершенно недостаточную роль.

Сытое прозябание двуногих желудков не тождественно сущности человеческих форм земного счастья, т.е. коммунизму. Как показывает опыт некоторых западных стран, сытую жизнь двуногим желудкам можно устроить и при капитализме. На

огонёк этой формы желудочного благополучия и полетели «мотыльки» из Северной Африки, «на радость» блондинкам по разуму.

В связи со всем этим особенно абсурдно выглядит утверждение строителя коммунизма, Канторовича, что в основу решений должны закладываться *«не общие **качественные** рекомендации, а конкретные КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ расчётные методы, обеспечивающие **объективный** выбор хозяйственного решения»*.

Между тем, только предельно примитивные представления Канторовича о взаимосвязи категорий: количество, качество и **объективность**, непонимание того, что при отсутствии качественных характеристик модели вообще нечего обсчитывать, могло лечь в основу такой позиции. Получается, что, если математики от экономики, получающие нобелевские премии, подсчитают, что, с точки зрения цены, дешевле проиграть Великую Отечественную войну, чем выиграть, то, разумеется, ЦК КПСС следует выбирать более дешёвое решение, поскольку, раз оно обсчитано по цене, то оно и «объективно». По крайней мере, Андропов, Горбачёв и «видные» советские экономисты, в своё время, подсчитывали именно так и потому, вместо коммунизма, скатились в капитализм.

Молодым же читателям журнала сообщаем, что категории качество и количество – неотделимы друг от друга не потому, что так захотелось Гегелю, а потому, что в объективной действительности не существует абстрактного количества. Только в пределах школьной арифметики можно сказать, что $10 = 10$. В диаматике это утверждение, по меньшей мере, верх наивности. В объективной действительности количество - это всегда множество ЧЕГО-ТО, а потому одинаковое количество не может быть универсальным, поскольку не существует объективного тождества между 10-ю слонами, 10-ю гвоздями и 10-ю идеями. Как показала вся историческая практика войн, 10 воинов одной страны не равны 10 воинам противника. Поэтому все войны венчались, в конечном итоге, победой только одной из сторон.

Но и не существует **качества**, которое не имело бы количественной определенности. Один и тот же слон в разные годы своей жизни характеризуется, например, разным весом.

Таковы слоны логики относительно категорий качества и количества, которых не желал замечать Канторович. Для того чтобы не страдать односторонностью, не делать свои рассуждения вульгарными, необходимо знать, хотя бы, закон тождества и единства **противоположностей в диаматике**, о котором большинство современных математиков не подозревают.

Позднее, Дж. Данциг, американский клон Канторовича, как всякий глубоко партийный матема-

тик, оказал Канторовичу медвежьёю услугу, указав на односторонность методологии Канторовича, как на высокое её достоинство.

«Русский математик Л.В.Канторович, - писал Данциг, - на протяжении ряда лет интересовался применением математики к задачам планирования. В 1939 году он опубликовал обстоятельную монографию под названием „Математические методы организации и планирования производства“... Канторовича следует признать первым, кто обнаружил, что широкий класс важнейших производственных задач поддается четкой математической формулировке, которая, по его убеждению, дает возможность подходить к задачам с количественной стороны и решать их численными методами...».

Простим Данцигу, как и Канторовичу, то, что они не знали о многосотлетней истории экономических учений, о количественной школе рыночной экономики и стучали в открытую дверь.

Но, чем ещё мог пользоваться Канторович, не обладающий серьёзной диалектической подготовкой? Только операциями с количественными данными, как и В. Леонтьев, любивший обсчитывать балансы бюджетов задним числом и, таким образом, пытавшийся избавить капитализм, т.е. **стихийную** рыночную экономику от... кризисов, не воспринимая качественную сторону дела, т.е. органическое единство капитализма и кризисов, того, что кризис есть имманентная фаза движения капитала, более естественная, чем фаза оживления. Легко заметить, что нобелевскому лауреату, В. Леонтьеву, удалось избавить капитализм от кризисов... только на бумаге, и не нашлось НИ ОДНОГО ОЛИГАРХА ИЛИ ПРЕЗИДЕНТА в капиталистическом мире, заинтересованного в избавлении рыночной экономики от кризисов и, тем более, от вытекающих из них войн. Поэтому и Япония, и Южная Корея, которые согласились лишь немного оплодотвориться принципами Леонтьева, тем не менее, всегда колебались в унисон с генеральной линией мировой рыночной экономики, а иногда и хуже.

Что касается «открытий» Канторовича, нужно было быть очень хитрым, чтобы, наблюдая экономику СССР, которая, к моменту написания основных работ Канторовича, развивалась по многолетним планам и без кризисов, чтобы «не заметить» её высокую сбалансированность и «не найти» статистических данных в справочниках, подтверждающих это, а заново «открыть» их. Именно житие в плановой экономике СССР позволило Канторовичу «гениально» увидеть то, что лежит на поверхности и взять «пальму первенства» в деле математического оформления оче-

видного, если, конечно, не ведать, что было написано во втором томе «Капитала» Маркса.

Каждому, знакомому с историей экономических учений, известно о «количественной школе» буржуазной экономической мысли. А поскольку «каждый кулик своё болото хвалит», постольку ученики количественной школы Канторовича, в частности, А. Кругликов, утверждал в 1985 году, что

«неуверенность в способности субъекта производить количественные оценки ценности приводит многих авторов к попыткам использовать порядковые показатели ценности. Последние позволяют только ранжировать альтернативы или признаки, определить что лучше или хуже, но не в коей мере. [Здесь у автора точка, - В.П.] Интуитивно ясно, что такие оценки сделать легче, поскольку они более неопределенны. В связи с этим будет допущено меньше «ошибок» и противоречий».

При Сталине подобный количественный метод, который нёс в себе **большие** ошибки и противоречия, обычно, называли сознательным вредительством. Но поскольку в КПСС уже «рулил» Горбачёв, то Кругликов позволял себе рассуждать ещё забавнее:

«Даже если это так, - [т.е. даже, если количественный метод оценки ценности более ошибочен и противоречив, а метод «порядковых показателей» более точен и менее противоречив], - такие порядковые сопоставления, - пишет Кругликов, - и ранжирования мало полезны в реальных ситуациях, связанных с расходованием больших средств, поскольку с их помощью невозможно получить точные ответы на вопрос о выделении определенной суммы ДЕНЕЖНЫХ средств».

Вот в этих-то «больших денежных средствах» и «зарыта собака» симпатий к количественным критериям. Кругликов не замечает абсурдности своего подхода. С помощью менее точных, т.е. количественных оценок, он собирался получать более точные «суммы денежных средств». Сегодня, все, кто успешно распиливает бюджетные деньги, не замораживают себя качественными вопросами. Они пользуются только количественным методом, гарантирующим большие «ошибки» в определении цены проекта и противоречия между ведомствами, которые, порой, окончательно запутывают и Следственный комитет, и ФСБ и Счетную палату РФ.

В этом фрагменте отчетливо просматривается то, что математик Кругликов или прозорливо заглядывал в вожаемое воровское будущее рыночной экономики РФ, или искренне ничего не понимал в социалистической плановой экономи-

ке, в которой все масштабные программы, даже при Брежнев, осуществлялись на основе неизменных цен и БЕЗНАЛИЧНОГО расчета, в том числе, и при финансировании фундаментальной науки. Безналичный расчет чрезвычайно затруднял финансовое мошенничество, «обналичку», а постоянство цен только облегчало и планирование, и контроль, и ранжирование.

А у Кругликова получается, что, если в стране есть потребность, например, в 100 000 тракторов, 20 000 самолетов и 10 000 танков, и уже имеется в наличии все необходимое для решения этой инженерной и производственной задачи: конструкции, средства производства, сырье, инфраструктура, кадры, НО, оказывается, что эту технику произвести невозможно, пока математики не сформируют несколько теоретических и логистических моделей, выберут один из способов решения этих задач, введут ценовой критерий, получают несколько разных ответов и устроят в ЦК КПСС голосование по окончательному выбору модели организации производства. Попутно хотелось бы посмотреть на выпускника механико-математического факультета, подготовка которого позволит ему определять способы, модели, решения по качеству и количеству выпускаемой техники, по организации производства и распределения этих тракторов, самолетов и танков накануне второй мировой войны.

В СССР, особенно при Сталине, цены в условиях мира регулярно снижались в связи с ростом производительности общественного труда, и этот планомерный процесс лишь облегчал решение количественных задач плановикам и бухгалтерам. Кроме того, по результатам судебных процессов 1937-38 годов среди советских министров уже почти не осталось таких, которые жаждали поменять свой кабинет на лесоповал за спекулятивное завышение цен, в противовес пропорциям, определенным бюджетом.

Нельзя исключать и того житейского обстоятельства, что, не желая заниматься ничем иным, кроме подсчетов, но желая оправдать необходимость этого не пыльного кабинетного занятия, некоторые математики, особенно, во времена «оттепели», опять стали утверждать, что математическое моделирование чрезвычайно нужна, но сложная область, заранее зная, что, позже, они «блестяще» решат эти «невероятно сложные», но объективно лёгкие, а часто, излишние задачи. Т.е., одна из причин крушения СССР состоит и в том, что многие интеллигенты, более искусно, чем Остап Бендер, создавали свои импозантные, математизированные «Рога и копыта», ныне сменив это название, например, на «Роснано».

При Сталине ни у Курчатова, ни у Королева никогда не возникал вопрос: откуда взять деньги,

поскольку для создания атомной электростанции нужны были не бумажные купюры, а определенное количество, например сверхчистого графита, а Королеву важно было иметь тугоплавкие материалы. Поэтому и атомная электростанция, и спутник появились раньше в СССР, а не в США, где, при изоляции всех материалов, ученым трудно было удержаться от соблазна получить большие и быстрые деньги, за очень медленную нанороботу, как это сегодня делают Чубайс и его команда. И нет оснований думать, что американские пролетарии при Рузвельте катались, как сыр в масле, особенно в годы кризисов, в то время как у советских рабочих, якобы, отнимали масло и обувь, из которых и вытаскивали детали советских танков и ракет.

В современной РФ, как и в РСФСР, тоже есть практически все природные ресурсы для производства всего, но нет отрасли, в которой бы дела шли так же успешно, как в СССР времён Сталина. А почему? Да потому, что, сегодня в РФ, как и на Западе, господствует **спекулятивная** количественная школа экономики, характеризующаяся огромными погрешностями и противоречиями при подсчете цены, - этой самой **субъективной** характеристики любого современного проекта, не говоря уже о неотъемлемых коррупционных составляющих, заложенных в любой проект, хоть Москвы-Сити, хоть в строительство космодрома «Восточный».

За сотни лет существования капитализма, вряд ли, был осуществлен хоть один проект, в цену которого наемные математики не заложили бы многомиллиардные «откаты», пользуясь маловразумительной риторикой о «полуупорядоченных пространствах».

Если бы мировая экономика, действительно, строилась на основе существующих количественных математических моделей нобелевских лауреатов, то это было бы много хуже, чем, если бы вся судебная практика мира строилась на одних лишь косвенных уликах.

Вожди же Болотной площади, фактически, утверждают, что СССР рухнул ещё и потому, что «гениальные» количественные принципы Канторовича внедрялись запоздало, медленно и фрагментарно. Но они не пробуют объяснить, почему СССР развивался невиданными в мире темпами в 30-е годы, когда Канторович стал доктором всего лишь физико-математических наук без защиты диссертации и еще ничем «не помогал» Госплану СССР?

А чем объяснить, например, рост влияния США в капиталистическом мире после 1945 года и их Бреттон-Вудскую валютную «систему», т.е. диктатуру доллара? Математическими моделями? Тем, что Трумэн хорошо разбирался в интегральных формулах оптимизации или тем, что экономика Европы и Японии, т.е. главных конкурентов США, была

тупо, но старательно разрушена коврами и атомными бомбардировками США в 1945 году?

Если же признать за формулами Канторовича силу заклинания (сим-сим, открой дверь), то, что мешает относительно успешной Германии привнести эти формулы сегодня в практику нынешней Испании, Португалии, Греции, в экономику стран Восточной Европы, Прибалтики, Украины и оптимизировать их??? Разве это понизит общий потенциал ЕС в его конкуренции с США? Но, в условиях рынка, уже успешная страна внедрит эффективную модель в экономику своих вассалов только тогда, когда полностью скупит производительные силы этих стран. Удушение явных конкурентов и удержание вассалов в черном теле - есть единственно эффективная модель управления в классовом обществе со времён Аристотеля.

Почему фламандцы хотят отделиться от валлонов, а каталонцы от испанцев? Прежде всего, в силу персональной жадности, эгоизма, и потому, что в рыночной экономике ВСЕ народы, прежде всего, КОНКУРЕНТЫ, и им жизненно предписано использовать любые формулы повышения эффективности своей экономики, но лишь для нанесения ущерба конкуренту.

Почему страны рыночной демократии не могут придать своей экономике устойчивое и гармоничное развитие, повсеместно применив формулы Канторовича? Видимо, потому же, почему никто не пытается омолодиться при помощи формул Эйнштейна.

Не раз приходилось сталкиваться с людьми, хорошо владеющими значительным объемом теории математического анализа, электронным «железом», программированием. Болея за страну, они, порой, писали статьи, брошюры и выводили в них математические формулы, которые, как им казалось, включают в себя все необходимые компоненты и связи эффективной экономики. Но, потом, они, годами, как социалисты-утописты, искали высокое начальство, которое, руководствуясь этими формулами, выведет бы экономику РФ на первое место в мире.

Меня всегда удивляло, что большинство специалистов, компетентных в технических областях, понимали, какую напряженную, объемную работу нужно проделать, чтобы общую абстрактную формулу какого-либо физического эффек-

та, через тысячи экспериментов, машиностроительных, материаловедческих, технологических решений внедрить в практику производства одного пробного изделия.

Но, как только дело доходит до экономики, то многим математикам кажется, что достаточно торжественно выложить на стол президента страничку, исписанную матрицами, двойными и циклическими интегралами, как президент страны тут же пустится в пляс, лобзая спасителя.

Между тем, если представить регулярно и демократически переизбираемых реальных президентов, уровень их математической подготовки (от Рейгана и Горбачева до Ельцина и Буша), губернаторов (от Шварценегера до Хорошилова), депутатов (от Пономарёва до Тягнибока), вспомнить о миллионах самоназначенцев, т.е. о предпринимателях, то станет понятно, что, практически

никто, из современных руководителей всех уровней, вставших на управленческую стезю, по своему умственному развитию и, тем более, владению высшей математикой ещё долго не смогут руководствоваться формулами, например, «переноса К-пространств», особенно, если эти управленцы - выпускники «гарварда» или «плешки», заведений, столь же престижных, сколь и бесполезных. По крайней мере, в деле развала СССР, выпускники этих заведений сыграли одинаково разрушительную и только разрушительную роль, что не требует ни диплома, ни ума.

В 1935 году, в своём докладе Академии наук СССР, Канторович писал: «В этой заметке я определяю новый тип пространств, которые я называю

линейными полуупорядоченными пространствами [а почему, например, не «линейными броуновскими объёмами»? Ведь линейность ещё, может, как-то сочетается с понятием плоскости, а пространство объективно никак не линейно, если, хоть немного, вдуматься в значение слова пространство в его физическом и философском смыслах. По крайней мере, в реальном пространстве объективные процессы протекают по законам спирали. -В.П.]. Введение этих пространств - продолжает Канторович, - позволяет изучать линейные операции одного общего класса (операции, значения которых принадлежат такому пространству) как линейные функционалы». Автор, видимо, не замечает и

некорректности увязки терминов «ОДНОГО» и, в то же время, «ОБЩЕГО класса», но принадлежащее «ТАКОМУ» а не ОБЩЕМУ пространству, хотя с точки зрения логики и физики, пространство и есть предельно ОБЩЕЕ объективное вместилище ВСЕГО.

С методологической точки зрения, выражение «один общий класс» столь же некорректно, как и выражение, «одно общее единичное», поскольку в науке категория «класс» принята для обозначения конкретного обособленного множества, качественно отличного от другого обособленного множества и, в то же время, неотделимых друг от друга, как в дикой природе не отделим класс, например, плотоядных от травоядных. Иными словами, в научном смысле, выражение «один общий класс» - несуразность. Класс может быть только особенным, и существующим только в единстве с противоположным ему классом. Не может общество состоять из одной буржуазии, или только из пролетариев. Общество, не разделенное на классы, называется бесклассовым обществом. Но, многие математики очень нетребовательны к своим филологическим и диалектическим познаниям, поэтому их рассуждения часто напоминают скороговорку искусствоведов-маркетологов или астрологов.

Значительно позже, пытаясь популярно «расшифровать» суть теории Л. Канторовича, С. Кута-теладзе писал:

«Л. В. Канторович сформулировал важную методологическую установку, которую теперь называют принципом Канторовича или, более подробно, принципом переноса для K -пространств. Подчеркнём, что в определение линейного полуупорядоченного пространства была включена аксиома условной порядковой полноты, обозначенная I_6 . Таким образом, уже в первой работе Л. В. Канторовичем выделен класс K -пространств, носящих теперь его имя. Изучение K -пространств Леонид Витальевич связал с выяснением области применимости фундаментальной теоремы Хана — Банаха и сформулировал теорему 3, которая теперь в литературе именуется теоремой Хана — Банаха — Канторовича. В ней фактически утверждается, что в классической теореме о мажорированном продолжении линейного функционала можно реализовать принцип Канторовича, т. е. заменить в теореме Хана — Банаха вещественные числа элементами произвольного K -пространства, а линейные функционалы — операторами со значениями в таком пространстве».

Объяснить «понятнее» аксиому «условной по-

рядковой полноты», чем так, как это сделал Кута-теладзе, особенно, хозяйствующим субъектам 30-х годов, так никому и не удалось.

Желая помочь партийно-хозяйственному активу СССР разобраться в сути своих предложений, Канторович в 1936 году писал:

«При доказательстве существования решения различных классов [здесь, как видите, присутствуют уже «различные классы» -В.П.] функциональных уравнений в анализе весьма часто [«весьма часто», это как, по капризу исследователя? -В.П.] применяется способ последовательных приближений; при этом доказательство сходимости этих приближений основывается на том, что данное уравнение может быть мажорировано некоторым уравнением простого вида. Такого рода доказательства встречаются в теории бесконечных систем линейных уравнений и в теории интегральных и дифференциальных уравнений. Рассмотрение полуупорядоченных пространств и операций в них позволяет с большой лёгкостью развить в абстрактной форме полную теорию функциональных уравнений упомянутого вида».

Есть все основания назвать снобизмом поведение теоретика, когда в его тексте, изложенном на русском языке, наряду с относительно понятными словами «приближение», «упрощение» и «сходимость», применяется, редко используемое слово «мажорировано» так, как будто Канторович не знает, хотя бы, приблизительно, его буквальный перевод и принятый смысл. Большинству руководителей тридцатых годов Канторович мог бы предложить не мажорировать, а, с тем же успехом, например, чакрировать или кармировать «эти схождения и приближения».

Между тем, например, в теории игр слово мажорировать означает: выбирать вариант поведения в игре при наличии, как минимум, двух видов стратегий.

Поэтому, читатели могут подумать, что в вопросе строительства коммунизма сталинский и троцкистский варианты стратегии отличаются лишь степенью ценовой эффективности и, с помощью упрощения, приближения и сходимости, например, троцкистских и большевистских стратегий, можно найти величину ценового критерия и, на этой основе, **выбрать** оптимальный вариант развития СССР в тридцатые годы.

Ясно, что, в условиях начавшейся войны испанских республиканцев против фашистов всей Европы, этого пролога второй мировой войны, **АБСТРАКТНАЯ форма полной теории функциональных уравнений** очень «помогла» бы Стали-

ну смажорировать при разработке и реализации третьего пятилетнего плана. Очевидно, Канторович не знал, что **истина** одна, что она всегда строго конкретна, и задача науки заключается не в **выборе** одной из нескольких стратегий, а в **разработке** и исполнении единственного ИСТИННОГО, АДЕКВАТНОГО, АКТУАЛЬНОГО и ПОБЕДОНОСНОГО решения.

Некоторые важные аспекты ущербности фетишизации операции выбора теоретически изложены Н. Федотовым в его статье «Диалектика выбора»¹.

Тлетворные корни учения Канторовича проявились уже в годы андроповского этапа перестройки. Но дело, даже, не в его сознательной злокозненности, что имеет место, а в том, что теория Канторовича, как и теория Эйнштейна, самым печальным образом сказывается на умственных способностях поклонников, вызывая у них атрофию научного мышления. Так, в 1983 году, Канторович и Плиско опубликовали статью «Системный подход в методологии математики». Из одного этого названия уже следует, что Канторович не имел представления о том, что слово методология принято для обозначения логики ПРЕДЕЛЬНОГО, САМОГО ОБЩЕГО уровня, т.е. она есть наиболее общий случай логики. Методология это логика, одновременно, и математики, и философии, и химии, и биологии, и искусствоведения, и теории военного искусства, и экономической теории. Поэтому, в лучшем случае, Канторовичу нужно было говорить о логике математики, как о частной логике, но никак не о методологии математики, поскольку у математики может быть только своя специфическая логика количественных зависимостей и преобразований. Методология математики, если бы она существовала, должна была бы исследовать количество... количеством. Если же математик взялся бы за исследование качества, как такового, то в этот момент он перестал бы быть математиком, а превратился бы в философа-любителя. А статья философом-профессионалом не удалось даже великому математику Лейбницу.

Выражение «системный подход» есть вообще незаконнорожденное дитячко тех, у кого не хватило ума изучить или опровергнуть диалектику, хотя бы в гегелевском варианте, а потому своё личное, хаотическое, ситуативное мышление по поводу локальной совокупности наблюдаемых количественных факторов они стали именовать системным, не понимая, что диалектика есть наука о всеобщности связей и явлений БЫТИЯ БЕЗ ИЗЪЯТИЯ, и поэтому диаматика является методом мышления, наиболее адекватным объективному движению мироздания.

Поэтому, предвидя некоторые упреки от поклонников системного подхода, хочется ещё раз

обратить их внимание на то обстоятельство, что системный подход - есть обыденный, даже спекулятивный способ мышления, правда, возведенный в ранг научного таинства для посвященных, при котором сам автор волен назвать системой любое множество явлений или объектов, как-либо связанных между собой. Современных «системщиков» не смущает даже то, что сумма деталей, входящих в «систему» зажигания автомобиля называется у них системой, и «система» питания – тоже система, т.е. все частные «системы» двигателя внутреннего сгорания, именуясь системами, входят в «систему», которая называется - автомобиль, и вне этой системы – не только бессмысленны, но и бесполезны.

Думал ли Дизель, когда создавал свой тип двигателя внутреннего сгорания, что он будет причиной колониальных и мировых войн за нефть? А думал ли Дизель о том, что его детище превратится в важный фактор разрушения всей «экосистемы» Земли? Т.е. был ли Дизель системщиком? В понимании Канторовича – был. Но с точки зрения, например, эколога, пацифиста, марксиста – соавтор глобальных трагедий.

Диаматика исходит из объективной всеобщности связей и отношений во всём мироздании и, следовательно, диаматический метод мышления гарантирует ПРЕДЕЛЬНО строгий, ПРЕДЕЛЬНО логичный подход, при котором субъект оперирует ВСЕМИ реальными структурными компонентами явления, всеми связями на всех уровнях мироздания, отношениями и опосредованиями, всеми рефлексиями, присущими изучаемому аспекту бытия. Иначе говоря, диаматика предполагает решение любого частного вопроса лишь в его органической взаимосвязи со всеобщими моментами бытия в пространстве и во времени.

Но, идя по дорожке, проторенной Канторовичем, его ученик, Кругликов, в 1985 году опубликовал статью «Системная оценка экономической эффективности хозяйственных решений». (Не овладела диалектическим мышлением, так сделаем вид, что владеем системными оценками). В частности, в разделе «Критический анализ неэкономических показателей эффективности» он писал:

«Классическая проблема выбора может быть кратко сформулирована следующим образом: имеется некоторая потребность, которую можно удовлетворить, или цель, которую нужно достичь, имеется также совокупность способов достижения цели; требуется выбрать лучший способ, учитывая, что ресурсы ограничены и дают возможность использовать только один способ. Интересующая нас задача состоит в установлении

1. Н. Федотов «Диалектика выбора». «Прорыв» №2 (44) 2015 (<http://proriv.ru/articles.shtml/fedotov?vybor44>).

критерия, по которому будут выбираться альтернативы, или показателя, определяющего наилучший из них вариант путём сравнения».

Интересно, догадается ли читатель, какой критерий, в конечном итоге, предложит Кругликов в результате его «системных» мудрствований, и существует ли критерий более примитивный, чем тот, который математически вымучил ученик Канторовича? В качестве подсказки, можно сказать, что нет ни одного мелкого, недипломированного торговца на африканском овощном базаре, который не пользуется этим критерием.

Но, если уже **существует** целый набор способов и готовый критерий, то почему Кругликов не выпустил «Справочник готовых способов достижения цели» подобно таблице Брадиса? И почему сам Кругликов, знаток этих способов, не посрамил недоучку Билла Гейтса, никогда не читавшего труды Канторовича? Дело то, всего-навсего, в выборе одного из имеющихся готовых способов удовлетворения потребности на основе примитивнейшего из критериев.

Разработана теория выбора но, почему-то, в мировой рыночной экономике бесперебойно работает конвейер массовых банкротств, кризисов, войн, бушует инфляция, даже, при снижении цен на углеводороды, растёт воровство, мошенничество, терроризм?

А, прежде всего, потому, что конкуренты в мировой рыночной экономике игнорируют детский лепет таких «гениев на час», как Кейнс, Леонтьев, Макнамара, Канторович, Абалкин, Фридман, Кудрин, а руководствуются исключительно своими нездоровыми частными страстишками, и ценовым «критерием».

Кругликов ни на минуту не задумывается над вопросом, а все ли потребности современного рыночного общества достойны удовлетворения? Системный подход помог ему уйти от такого неудобного вопроса. А, может быть, советскому математику впору было вспомнить о действии закона отрицания отрицания, если вести речь о наиболее стандартных потребностях рыночно-базарного общества.

Кругликов не знал, что личная потребность, есть, всего-навсего, плод **субъективных**, чаще всего, примитивных умозаключений и вербальной фиксации тех материальных факторов, которые приносят большинству современных индивидуумов наибольшее субъективное удовлетворение и, реже, объективное развитие. Часто, индивиды неоправданно отождествляют свои субъективные потребности с необходимостью. Хотя, действительно, оптимальным является тот случай, когда субъективно сформулированные потребности совпали бы с объективной необходимостью соблюдения всего того, что

обеспечивает развитие личности. Однако такое совпадение достижимо лишь при высокой научной подготовке и социальной зрелости большинства самостоятельного населения. Но сегодня индивидуальное сознание масс страдает обыденным уровнем представлений о важнейших аспектах общественного бытия, о сущности человека, о смысле жизни и индивидуальном счастье. Поэтому, сегодня массы легко поддаются меркантилистскому, либеральному, националистическому, религиозному и гедоническому «зомбированию», и потому «интеграл» от действий N обывателей всего мира на базе их потребностей, рожденных массовым обыденным сознанием, придает современному общественному бытию лишь идиотскую, самоубийственную форму.

Например, в рыночной экономике очень многие молодые люди испытывают жгучую потребность вводить в себя наркотики и дикие дозы алкоголя, вдыхать табачный дым. Неужели имеется существенная нехватка этих «ресурсов», и современным олигархам и наркобаронам нужно долго ломать голову над «переносами K-пространства», при выборе одного лучшего варианта производства этих видов отравы? Могут сказать, что данный пример недостаточно академичен. Но разве объем современного мирового рынка алкоголя и наркотиков ниже, чем его потребность, например, в учебниках по теоретической механике или в матрёшках?

У миллионов молодых обывателей есть потребность перегнуть Билла Гейтса по размерам доходов. И, если достать наркотик и алкоголь на Западе легко, то удовлетворить потребность в миллиардах не удастся даже одному на миллион населения планеты. И это «странно». Что может помешать претенденту на миллиарды достичь этого, если он знает о существовании готовых *«способов достижения цели»* по Кругликову, формул *«правильного выбора»* по Канторовичу, одобренных авторитетом нобелевской премии? Однако каждый претендент на удовлетворение своей потребности в миллиардах упирается в объективные свойства монополизированного рынка, т.е. в необходимость всякому аутсайдеру, во-первых, впасть в кредитную кабалу, во-вторых, в конкуренцию с монополистами и, в-третьих, упереться в то, чему его никто не учил: **ВЫРАБАТЫВАТЬ** научно обоснованное решение, поскольку все призывают научиться лишь выбирать одно решение, среди уже существующих. Например, играть на «форексе» по бесплатно навязанным правилам.

Или, возьмите, для примера, потребности «игроков» ВПК США с его «благородными» целями, с его первенством на мировом рынке оружия и уровнем доходов, не говоря уже о размере государственного финансирования. Очень представи-

тельная академическая потребность. Много ли признаков тому, что ВПК США стеснён в ресурсах? Какой из критериев и способов развития гонки ядерного вооружения в США является сколь-нибудь разумным? Знал ли Кругликов, что по запасам ядерного оружия США всегда многократно превосходили СССР, а к моменту развала СССР ядерных зарядов только в США хватало, чтобы... 25 раз уничтожить всё живое на Земле, а не только в СССР. Почему страны, оплатившие и воспевавшие «принцип Канторовича», выбирали и осуществляли такое бессмысленное решение?

А потому, что в основу всех решений в рыночной экономике в качестве критерия закладывается цена, которая на рынке оружия может быть только спекулятивной, которую Кругликов и объявил системным критерием.

Возникает вопрос, если наука будет действовать в рамках данной «логики», т.е. абсолютизации текущих потребностей, сомнительных целей, готовых способов осмысления исходных данных и ценовых критериев, то, будет ли у человечества шанс вырваться из порочного круга таких «естественных» современных потребностей как, например, потребность иметь миллионы безработных в каждой «развитой стране», ради потребности замедления темпов инфляции и повышения дисциплины труда? А как быть с потребностью мужчин «среднего класса» в проститутках, в том числе, и привокзальных? А как быть с потребностью миллионов женщин выходить не на романтическое свидание с любимым, а на панель, ради пропитания? Это ведь миллиардные обороты в любом демократическом обществе. Достойна ли удовлетворения потребность индивида в личном транспорте, в условиях катастрофического положения с экологией? А насколько разумна потребность в личном огнестрельном оружии со святой целью обороны от людей с острейшей потребностью ограбить богатого ближнего. Что делать с потребностью миллиардов молодых людей в наркотиках и алкоголе? Разумна ли потребность в ядерном оружии, без которого нет возможности удержать развитые демократические страны от окончательного развязывания третьей мировой войны в её «классической» колониалистской форме?

Нужно иметь бездну наивности, чтобы убеждать других людей, как это делают Канторович и Кругликовым, что решение подобной задачи сводится к «установлению критерия, по которому будут выбираться альтернативы, или показателя, определяющего наилучший из них вариант путём сравнения».

Если, благодаря критериям, установленным, как считают доверчивые люди, самим богом, возникают то инквизиция, то ИГИЛ, легко представ-

вить, какие нас ждут новые сюрпризы на основе ценовых критериев, установленных Канторовичем.

Да, на бумаге легко утверждать, что существуют способы, критерии и показатели, что различные «классы функциональных уравнений», действительно, могут «с **большой легкостью**» претерпевать и «последовательные приближения», и иметь достаточную «сходимость», и «мажорироваться», а вот в конкретной стране, в СССР в 30-е годы прошлого века, в условиях цейтнота, рождённого фашизацией мировой капиталистической экономики, где генераторами событий являлись такие беспрецедентные бандиты и садисты, как Муссолини, Гитлер, Рузвельт, Черчилль, Трумэн, такие безразмерные двуногие желудки как Ротшильд, Рокфеллер, Морган, **абстрактные** приближения и сходимости абстрактных линейных уравнений не могли иметь практического значения при **ВЫРАБОТКЕ** конкретных решений.

Абстракции Канторовича и Кругликова безобидны лишь на той бумаге, которую никто не читал.

В СССР, в этих неимоверно сложных условиях, реально сработала лишь диаматика, которой, более других, владел Сталин, а логарифмические линейки и арифмометры типа «Феликс», лишь ускоряли обсчёт необходимых частных пропорций текущих строительных, инженерных и логистических задач, сводя их к оптимальным, при заданных объективных параметрах конкретных трудовых, интеллектуальных, хронометрических и материальных потенциалов, с опорой на сознательный энтузиазм, романтику масс и парализующий страх в рядах затавившихся троцкистов, националистов, клерикалов, при чисто формальном учете, например, ценового фактора, поскольку в СССР, «задрвав» цену, «ловкому» хозяйственнику нужно было срочно сушить сухари и отправляться на лесоповал. Причем, чем решительнее тайные троцкисты явно открещивались от ценового критерия, тем дальше от них был лесоповал. Они это твердо усвоили и строго соблюдали до пришествия Хрущева.

А вот с приходом Хрущева материальное, чистей, денежное стимулирование постепенно стало возрождаться, и тут двойной смысл, заложенный Канторовичем в свои труды, стал давать плоды, охмунив, прежде всего, Косыгина. Как писал С. Кутателадзе:

«Следует подчеркнуть, что с оптимальным планом любой линейной программы автоматически связаны оптимальные цены или «объективно обусловленные оценки». Последнее громоздкое словосочетание Леонид Витальевич выбрал из тактических соображений для повышения «критикоустойчивости» термина. Взаимозависимость оптимальных решений и оптималь-

ных цен — такова краткая суть экономического открытия Л. В. Канторовича».

Как видите, совершая масштабную идеологическую диверсию, Кантарович отлично знал, что ни Хрущев, ни Брежнев, ни Сулов, не поймут сути этого вредительства, если вместо ясного буржуазного выражения, оптимальная цена, применить иезуитски замаскированный оборот: *«объективно обусловленные оценки»*.

Пройдет ещё немало времени, пока в обществе созреет понимание, что в научно организованной ПЛАНОВОЙ экономике принципы моделирования Канторовича неприменимы, в силу их изначальной методологической безграмотности, а конкретные формулы оптимизации, например, логистических операций на отдельно взятых предприятиях и в регионах, едва ли применимы, как это и произошло, например, в случае с раскроем стального листа на принципах Канторовича, что привело к срыву плана по сдаче металлолома, вызвавшего срыв выполнения плана металлургическим комбинатом и, следовательно, недополучение стальных листов и тем цехом, который и согласился раскраивать стальные листы по принципу Канторовича. Хорошо ещё, что у Канторовича не было личной связи с директором артиллерийского завода, а то бы он «повысил» экономическую эффективность этого завода методом кардинального укорачивания длины пушечных стволов, ради выпуска большего количества товарной продукции, как это, кстати, случилось с обрезанием пушек для германских танков Т-4.

Превращение советской экономики в сумму совнархозов, ликвидация МТС - и есть некоторые, из наиболее масштабных и вредоносных «мажорирований» эпохи хрущевского методологического невежества, которое не противоречило экономической «тоже логике» Канторовича.

Разумеется, задачу оптимизации можно и нужно решать, и она, от пятилетки к пятилетке, решалась в СССР всё успешнее, поскольку внедрение оптимизирующих решений осуществлялось планомерно, а не в любой фазе общественного производства и не методом интимного введения на отдельно взятом предприятии, наивное руководство которого, добившись некоторого положительного результата, как в случае с рациональным раскроем фанерного листа, могло подумать, что этот метод универсален и применим с одинаковым успехом и для раскроя сарафанов, и стальных листов, и оружейных стволов в любых исторических условиях, в любом состоянии объективных и субъективных факторов общественного производства и внешнеполитической обстановки.

Кстати, необходимо заметить, что наступление «цеховиков» на плановую экономику СССР — это и есть принцип Канторовича в действии: «рациона-

лизация», т.е. отступление от технологических заданий ради создания внеплановых обрезков фанеры, стального листа, ткани, лекарственных препаратов, т.е. излишков на предприятии, а потому к образованию «левого» оборота, неучтённого дохода, следовательно, коррупции, проституции всех видов и организованного бандитизма. Каждый «цеховик», по мере снижения научности планирования в СССР, не владея, даже, алгеброй, тем не менее, успешно мажорировал интуитивно в рамках нарастающей беспорядочности в К-пространствах, стремясь повысить эффективность капиталовложений в СВОЮ личную прибыль и, все «цеховики» вместе, породив диспропорции, возродили ограбление большинства трудящихся ради финансового обогащения самих «цеховиков», разваливая, тем самым, новую, ещё недостаточно умудренную, историческую общность — советский народ.

Что касается «развитой» капиталистической РЫНОЧНОЙ экономики, то и в ней математические модели и формулы Канторовича, способствуя возникновению разрозненных импульсов дисгармоничного повышения эффективности частных мажорирований в отдельных звеньях экономики, лишь усугубляют диспропорции и анархию в мировой экономике в целом.

Превосходство же диаматического моделирования над чисто количественным особенно убедительно доказал Сталин, научность руководства которого, позволила ему всего за 10 лет осуществить основную часть плана ГОЭЛРО, вопреки карканью троцкистов об «электрификации». Под руководством Сталина, **впервые в истории человечества**, была осуществлена разработка и опережающее выполнение, фактически, трёх пятилетних планов научно-технического и социально-экономического развития страны, предопределивших победу СССР во второй мировой войне. А Хрущев и Брежнев, не говоря уже об Андропове и Горбачеве, несмотря на растущую пропаганду формул Канторовича, привели СССР, сначала, к срыву выполнения «семилетки», к застою, деградации, а, в конечном итоге, и к распаду СССР.

О том, насколько глубоко было разложение значительной части последователей Канторовича, насколько безграмотны они были в качестве членов советского научного сообщества, свидетельствует утверждение Кругликова, что *«добавлять» к экономическим показателям, выраженным ценой или её производными, социальные показатели — это всё равно, что говорить о том, что варианты отличаются цветом или запахом, а потому не сравнимы по ценности, так как не могут быть сопоставимы по одной шкале»*. Трудно поверить, что эти оппортунистические утверждения открыто публиковались в академических изданиях СССР уже

в 1985 году, когда Горбачев ещё трепался о совершенствовании именно социализма, о необходимости ускоренного решения социальных проблем. Но, оказывается, в глубоком научном подполье, математики уже давно сбросили со счетов социально-экономические критерии развития общества, хотя, не разбирались в них ни ухом, ни рылом.

Просто, Кругликов уже в те годы не понимал, что вырабатывать критерии и выбирать варианты решений на основе цены, так же «надёжно», как, если бы присесть по нужде над пульсирующим гейзером с горячей водой, пока тот «вздремнул». Выросший в СССР, где цены или снижались, или были неизменными в течение всей его жизни, кабинетный Кругликов не замечал, что, производя 33% мировой промышленной продукции по неизменным ценам, страны Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) к концу 70-х годов прошлого века оказывали значительное **стабилизирующее** влияние на мировое ценообразование. Но, у глубоко некомпетентных в марксизме математиков складывалась иллюзия, что так в мировой экономике будет и после развала СССР. Поэтому абстрактные формулы выглядели в глазах Канторовича и Кругликова архимедовыми точками опоры, а рыночные топи издавна казались ему английским газоном.

Теперь, после крушения СССР, пусть бы Канторович с Кругликовым заложили цену, т.е. критерий, рожденный белой биржевой горячкой, в своих предложениях Минфину рыночной РФ. Кстати, современные конвульсии бюджета РФ и объясняются свойствами критерия Канторовича, скользкого, как любой либерал. В результате мажорирования на базе современных «ценностей», все большее количество предпринимателей переходят из реального сектора экономики в фондовый, но, погрузившись в биржевые спекуляции и игру на форексе, некоторые начинают смутно понимать, что вся мировая экономика превращается в непредсказуемую область рисков, триллионных спадов и банкротств.

До 1983 года в мире единственной предсказуемой была экономика СЭВ, а, в настоящее время, более или менее устойчиво и предсказуемо функционирует лишь экономика КНР, КНДР, Вьетнама, Кубы, благодаря остаткам централизованного научного стратегического планового управления общественным производством.

Поэтому Канторовича и его учеников следует отнести к тому виду молодых дарований, у которых, при виде хорошо налаженного и реально работающего «механизма», не ими сделанного, возникает зуд улучшить отдельные его узлы, и они «улучшают» их до тех пор, пока этот элегантный «механизм» не перестает работать вообще. Хоро-

шо работающий экономический механизм порождает в сознании людей подобного рода, в лучшем случае, иллюзию, что данному механизму навредить невозможно, а потому они готовы безответственно навесить на него любое, абстрактное «К-пространство». Примерно так и рассуждали Абалкин с Явлинским, «улучшая» хозяйственный механизм «развитого социализма» показателями «нормативно чистой продукции» в ходе «перестройки»... до полной катастрофы.

Кантороподобные «ученые» не видели и не улавливают всей диаматической гениальности КАЧЕСТВЕННОЙ составляющей хорошо работающего общественного «механизма» времен Сталина. Наоборот, видя всю грандиозность работающего механизма, они пытаются эту **готовую** систему, рожденную диаматической методологией, втиснуть в абстрактные рамки математического анализа, только и освоенного ими, а ещё смешнее, в рамки «эконометрики» или «экономического анализа», изучаемых в «плешке» современными студентами, которые вообще не имеют представлений о методологии и объективных законах расширенного воспроизводства человеческого ОБЩЕСТВА.

Между тем, совершенно ясно, что уже при социализме, задачей которого является строительство коммунизма и только коммунизма, не Канторович или Перельман, если они только математики, должны предлагать отдельным предприятиям свои частные математические модели и уравнения «улучшения» их работы, а ОБЩЕСТВО, в котором авангардную и гармонизирующую роль, т.е. роль политической партии большевистского типа, вооруженной диаматикой, должно предоставлять математикам всю качественную картину трансформации социальных отношений и целей, победоносной стратегии и требовать от математиков лишь инструментария, для ускорения обščета количественных пропорций.

Если бы в арсенале современной математики были бы разработанные, доказанные и апробированные на практике теоремы и формулы, то, может быть, количественные подходы на следующем этапе бюджетного процесса, существенно повысили бы уровень всего общественного производства в РФ, то, всё равно, практика упрется в эгоизм и конкуренцию предпринимателей, особенно, олигархов. В мировой практике, пока, не было случая, когда бы сообщество математиков по своей инициативе, действительно, гармонизировало мировой рынок через нескоординированные акты повышения эффективности отдельных предприятий, отраслей, тем более, различных стран.

В 1996 году А. Вассерман, находящийся, видимо, в плену моды на количественный подход, опубликовал статью, призывающую население РФ

голосовать... за Ельцина потому, что... построение коммунизма невозможно вообще, поскольку... всей вычислительной техники страны, даже, с учетом многократного повышения её производительности, не хватит, чтобы обчислить все линейные уравнения экономических пропорций. И потому, вместо борьбы за повышение методологической грамотности политиков, вместо развития вычислительной техники, выработки конкретной победоносной экономической стратегии, обществу, в качестве светоча и альтернативы коммунизму, был смажорирован... столь же пьяный, сколь и больной, бывший секретарь обкома КПСС, Ельцин. Его избрали, прооперировали, реанимировали... В результате в 1998 году РФ получила закономерный дефолт, а в 1999 Ельцин просто бросил страну.

Не трудно догадаться, что сегодня думает по поводу той своей предвыборной статьи современный А. Вассерман?

Вообще-то нет причин подвергать сомнению как высокую роль математики в развитии человечества, так и компетентность дипломированных математиков в математике. Вопрос состоит лишь в том, является ли математика вполне самостоятельной областью знаний, а математики — экспертами по социально-экономическим вопросам.

Когда Канторович самонадеянно пытался разработать математизированную методику повышения эффективности социалистической экономики, он неоправданно рисковал. Но, когда Сталин поручил Берии и Курчатову создать ядерную бомбу, Канторовичу было поручено производить важные расчеты «полуупорядоченных пространств» атомного проекта, и оказалось, что в этой сфере методы ускорения обсчёта Канторовича сработали, и СССР получил реальную атомную бомбу, но не только потому, что были произведены ускоренные расчёты, а ещё и потому, что у Сталина, совершенно «случайно», уже были в наличии ВСЕ многочисленные **необходимые** материалы, условия, кадры, структурные и инфраструктурные компоненты для успеха конкретных расчётов и поточного изготовления реальных бомб. Симптоматично, что СССР, как и США, потратили на разработку атомной бомбы по 6 лет, хотя на США работали многие европейские и канадские ученые.

Некоторые оппоненты обязательно скажут: «Как видите, принцип Канторовича верный, он обеспечивает проведение сложнейших расчётов». Но, во-первых, метод Канторовича оказался безусловно верным лишь там, где **качественные** вопросы физической и химической сущности атомного взрыва были уже решены, и оставалось лишь сэкономить время на рутинных расчетных операциях, а во-вторых, необходимо понимать, что, между созданием атомной бомбы и строительством комму-

низма лежит глубочайшая качественная пропасть, и то, что некоторые формулы Канторовича, пригодились при моделировании параметров атомного взрыва, не означает, что они в равной степени пригодны для планомерной реализации абсолютного закона коммунизма в масштабах страны.

Создать нечто, пригодное для развала всего, совсем не то же самое, что построить всё **необходимое** для прогресса всего земного сообщества, а не его разрушения. Как показала практика, создать атомную бомбу могут и олигархи США, а СССР и атомную бомбу создал, и первую в истории человечества атомную электростанцию, и коммунизм под руководством Сталина народ строил вполне успешно.

Странам Восточной Европы и Прибалтики за последние 25 лет борьбы по «улучшению» бывшей, вполне работающей, социалистической экономики, строго говоря, не удалось ничего, кроме как превратиться в задворки Германии, в зону секс-туризма для натовской солдатни. Хотя, казалось бы, формулы, освященные нобелевским комитетом, известны и, на бумаге, сулят заманчивую максимизацию эффективности хозяйственной деятельности, особенно в частном секторе и поэтому должны бы идти нарасхват.

Однако непрерывная череда кризисов и войн последней четверти века, вынуждает признать, что в мировой рыночной экономике, по-прежнему, функционирует только «невидимая рука», абсолютно не связанная с головой, и она шарит по биржевым котировкам ценных бумаг, в том числе и деривативов, так же «элегантно», как слон в посудной лавке. Если бы нобелевский комитет ежегодно присуждал премию «невидимой руке» рынка, то в этом было бы чуть больше смысла, чем во всех остальных премиях, врученных экономистам, как минимум, за последние 50 лет?

Чхан Ха Джун — корейский теоретик, бакалавр Сеульского университета, магистр и доктор философии Кембриджа в своей книге «То, что вам не расскажут про капитализм» пишет:

«В 1997 году Роберт Мертон и Майрон Скоулз были удостоены Нобелевской премии по экономике «за новый метод определения стоимости вторичных ценных бумаг».... В 1998 году огромный хеджевый фонд под названием «Лонг терм кэпитэл менеджмент» (LTCM) после финансового кризиса в России оказался на грани банкротства. В совет директоров компании LTCM, основанной в 1994 году знаменитым (ныне печально знаменитым) финансистом Джоном Мерривезером, входили — кто бы вы думали? — Мертон и Скоулз. Они не только позволили компании использовать

свои имена в обмен на кругленькую сумму. Они были реальными партнерами, и компания активно применяла их модель ценообразования на фондовом рынке.... Не обескураженный неудачей LTCM, в 1999 году Скоулз основал новый хеджевый фонд «Платинум гроув ассет менеджмент» (PGAM). Новые его инвесторы, надо полагать, считали, что модель Мертон-Скоулза не сработала в 1998 году лишь из-за такого абсолютно непредсказуемого, уникального в своем роде события, как российский кризис. Но в целом, разве это по-прежнему не лучшая модель ценообразования на рынке ценных бумаг в истории человечества, даже получившая одобрение Нобелевского комитета? К несчастью, инвесторы PGAM ошибались. В ноябре 2008 года фонд фактически лопнул, временно заморозив для инвесторов отзыв средств. Единственным для них утешением оставалось то, что не их одних подвел нобелевский лауреат. «Трин-сам груп», где директором по научным вопросам работал бывший партнер Скоулза Мертон, в январе 2009 года тоже обанкротилась.

В Корее есть пословица: даже обезьяна падает с дерева. Да, все мы совершаем ошибки, и одну неудачу — даже если она гигантских масштабов, как в случае с LTCM, — можно счесть ошибкой. Но повторение одной и той же ошибки дважды? Тогда становится понятно, что первая ошибка на самом деле ошибкой не была. Мертон и Скоулз не ведали, что творили. Когда лауреаты Нобелевской премии по экономике, тем более получившие премию за работу по ценообразованию на рынке ценных бумаг, не в состоянии «считать» информацию с финансового рынка, как же мы можем управлять миром, исходя из экономического принципа, что якобы люди всегда знают, что делают, и, следовательно, им не нужно мешать?».

Короче говоря, представительная историческая практика позволяет утверждать: чем с большим рвением люди будут внедрять методы Канторовича в современную мировую рыночную экономику, тем более сокрушительные диспропорции и динамичное разорение аутсайдеров будет получаться на выходе.

Вот почему мировая закулиса сделала ловкий ход, фактически подарив СССР свою анархию, замаскировав её под теорию Канторовича, чтобы лишить советскую экономику её планового превосходства. Отдельно взятому Канторовичу нобелевская премия обеспечила доход, а экономике СССР

это не принесло ни малейшей пользы, как, впрочем, и всей мировой экономике.

«ЛИСЫ» В «ВИНОГРАДНИКЕ» МАРКСИЗМА

Сегодня многие маститые представители российской интеллигенции, особенно художественной, сообщают, что предметом, к которому они относились самым наплевательским образом в институте, был марксизм-ленинизм. Можно ли после этого утверждать, что причина несостоявшегося построения коммунизма в СССР до сих пор составляет загадку? Может ли человек, демонстративно отказывавший себе изучении химии, стать новым Менделеевым? Современные интеллигенты частенько бравируют перед телекамерами тем, что, якобы, на лекциях по теории марксизма они играли в «подкидного дурака», а самые либеральные из них - в преферанс.

Разумеется, сегодня ни один из них не признается, что, на самом деле, они просто не смогли освоить диалектику должным образом. «Наука логики» ведь не так проста, как сценарии Булгакова, которые нужно было, просто, зазубрить, а Виктюк подскажет, с каким выражением лица следует озвучивать эти сказки. Попробовали бы звезды сцены в современных условиях признаться на телекамеру, что они старались получить пятерки по марксизму, но не хватило извилин. Представьте себе Захарова или Любимова, которые держали бы в труппе артиста, более или менее удовлетворительно освоившего теорию марксизма-ленинизма... Ведь не случайно Любимов выдавливал Губенко из труппы, а Захаров в «Ленком» таких вообще не держал.

Многие современные самозванцы-интеллигенты, перекусившиеся в самозванцев-либералов не понимают, что одно дело изучить марксизм, продемонстрировав исчерпывающее его понимание, и аргументировано отвергнуть его, как ошибочное учение, а другое дело, когда люди во всеуслышание заявляют, что не изучали его, следовательно, знакомы только по обложке, но отвергают при помощи каламбуров.

К сожалению, подобное чванливое отношение к теории марксизма-ленинизма в период разгула хрущевины и горбовеины было типичным и для представителей «точных наук», в чем, однажды, откровенно признался, например, высокий специалист в области систем автоматизации производства и управления, знаток всего и вся, А. Вассерман. Правда, будучи человеком, действительно, умственно добросовестным, прожив 20

лет при капитализме, причем, не бедствуя, А. Вассерман всё-таки осилил «Капитал» Маркса и... высказался в открытых СМИ очень ругательно относительно своего неразумного отношения к марксизму в студенческие годы, хотя, львиную долю вины за позднее прозрение Вассермана, должны взять на себя вся КПСС и её абсолютно бездарные академики типа Абалкина, Аганбегяна, Яковлева, Волкогонова..., высижившие полушариями ягодиц свои ученые степени.

Но, если бы Канторович всё-таки писал диссертацию, то он был бы вынужден целую главу посвятить демонстрации своих познаний в области методологии марксизма. Глядишь, что-нибудь и осталось бы в его молодых мозгах от Гегеля и Маркса. А так, всё получилось, как у Каспарова: шахматные партии зазубрил, а в политических партиях оказался полным Буратино.

Однажды, в советские годы, мне довелось присутствовать на собрании партийной организации кафедры высшей математики в одной из инженерных военных академий. На повестке дня стоял вопрос: «О партийности в преподавании высшей математики». Докладчик, кандидат математических наук, просто, зачитал наугад кое-какие абзацы из доклада Л.И. Брежнева съезду КПСС, фактически не связанные с повесткой собрания и ничего не раскрывающие в обозначенной проблеме. В конце своего доклада, секретарь, ничего не конкретизируя, призвал организацию внести достойный вклад в дело выполнения решений очередного съезда КПСС. В своих выступлениях члены организации высказали мнение, что, в оставшееся до экзаменов время, они должны приложить все силы, чтобы слушатели, как можно лучше сдали сессию. Я с партийной организацией этой кафедры встретился первый и последний раз, но запомнилось то выражение детской любознательности на лице отдельных остепенённых математиков, когда я поведал им, что, на самом деле, в марксизме-ленинизме подразумевается под партийностью науки, особенно, высшей математики.

После собрания, по пути к остановке трамвая, секретарь признался, что, пробыв в партии уже 20 лет, он не имел ни малейшего представления о том, что следует понимать под партийностью «точных» наук, тем более, математики, хотя, достаточно было ему самому однажды задаться вопросом, например, что может дать миллионам пролетариев капиталистических стран, лишенным доступа к образованию, аналитическая геометрия или теория вероятности, кроме усиления эксплуатации?

Уверен, что в редакцию придут отклики, в которых либерально настроенные математики будут матерно утверждать, что ничего вразумительного

сообщить математикам на том собрании я не мог, поскольку партийность в высшей математике отсутствует, сколько бы я не всматривался в содержание и символику любого уравнения.

Однако в данной статье речь пойдет о более фундаментальном контексте проблемы партийности науки и партийцев в науке. Незнание и непонимание ответов на эти вопросы широкими слоями псевдосоветских интеллигентов сыграло существенную роль в развале СССР.

Почему-то, не только обществоведы, но и математики тех лет считали, что лекция тем партийнее, чем больше цитат из работ классиков марксизма и партийных документов прозвучит во время лекции. Тем не менее, на том собрании я сообщил математикам, что, **во-первых**, главным принципом коммунистической партийности любых знаний является безусловная их научность, следовательно, если математика – наука, то она не противоречит материалистическому мировоззрению, следовательно, чем выше уровень качества преподавания математики, чем прочнее материал усваивается всеми обучаемыми, тем более партийной, материалистичной, коммунистичной, является позиция и математика, и его студентов. Если же во главу угла своего преподавания математик ставит минимизацию нагрузки и максимизацию денежного самостимулирования, то это, тоже, партийность, но уже буржуазная, и преподавательское сообщество обязательно собьётся на путь чванства, взяточничества, репетиторства, ЕГЭ и прочих подобных форм преступлений и идиотизма. **Во-вторых**, будучи умственно, безусловно, развитыми, математики могли бы несколько быстрее и глубже освоить теорию марксизма, особенно диалектический материализм, чтобы не походить на дореволюционных кухарок, как Канторович или Кругликов, Абалкин или Явлинский, которые оказались не способны отличить буржуазные воровские методы получения прибыли от научных методов организации процесса очеловечивания всего общества, т.е. расширенного воспроизводства коммунистического общества.

О ПАРТИЙНОСТИ НАУКИ И ПАРТИЙНОСТИ УЧЕНЫХ

Изучение трудов Канторовича приводит к выводу, что заметной, но не оригинальной особенностью лауреата нобелевской премии в области планирования социалистической экономики были его лозунгоподобные познания в научно-теоретическом

наследии классиков марксизма-ленинизма, нулевое усвоение сущности и опыта сталинских пятилеток и непонимание причин победы СССР в ВОВ. Говоря языком Канторовича, в случае с ним имел место очень низкий уровень сходимости его математических познаний с действительным марксизмом и исторической практикой, в связи с этим, полное непонимание сущности коммунизма и, следовательно, ОБЪЕКТИВНЫХ законов логики движения общества из исторического пункта «капитализм» в исторический пункт «коммунизм». Канторович считал, что, конструируя абстрактные задачи приближения эффективности грузооборота между пунктами А, Б и В к оптимальному ценовому варианту, он, тем самым, решал важнейшую задачу строительства коммунизма.

Канторович не понимал, что если математические выражения, действительно, допускают и, даже, требуют их упрощения, ради приведения к известному, стандартному, удобному виду, то «формула» коммунизма, по мере его строительства, наоборот, требует всё более адекватного, конкретного её соответствия РЕАЛЬНОЙ динамике РАЗВИТИЯ всей совокупности самых тонких общественных и, тем более, романтических отношений, чтобы окончательно исключить из жизни общества животный «жёлтый синдром» 2016 года.

Именно многоуровневый, многофакторный, конфликтный характер общественных отношений, пока существуют классы, предопределяет, что не только научный, но, даже, бытовой лексикон носит ярко выраженный классовый, а потому неизбежно партийный характер, поскольку, по крайней мере, в реальной истории не наблюдалось ситуации, когда бы существовали противоположные социальные классы, и противоположность их сущности не отражалась бы в контрастах бытовой и научной терминологии, в контрастах религиозных идеологий и политических партий.

Попутно напомним, что общенаучный термин «классы» применяется для обозначения, как минимум, двух крупных множеств явлений или субъектов, противоположных друг другу настолько, что основной формой их отношений является борьба, антагонизм, например, класса рабовладельцев и класса рабов, не существующих отдельно друг от друга.

Ошибка большинства из тех, кто цитирует известное определение, данное в работе Ленина «Великий почин», состоит в том, что они применяют его определение каждый раз к одному из классов, чаще всего к пролетариату, пытаясь, таким образом, составить точное представление о том, кого они должны агитировать. Дело уже дошло до той степени оппортунизма, при которой отдельные те-

оретики пытаются границы класса пролетариев определить размером цены их рабочей силы, «заработной платы», выше и ниже которой, человек или ещё не пролетарий, или уже не пролетарий.

Между тем, пять ленинских признаков класса работают только при диалектическом подходе к ним, т.е. класс пролетариев существует лишь постольку, поскольку существует класс буржуазии, а класс буржуазии существует только в том случае, если ему удастся удерживать подавляющее большинство людей без средств существования в состоянии безработных, ищущих, кому бы продать свой единственный товар, рабочую силу, и добровольно превратиться к классу наёмных рабов, т.е. пролетариев. Как писали Маркс и Энгельс:

«В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка».

Мог ли раб древнего мира заговорить со своим хозяином об учёте инфляционных ожиданий в его заработной плате, а латифундист о волатильности курса его привилегированных акций? А сегодня наёмный раб, особенно из подотряда «белых воротничков», именно так ставит вопрос перед олигархом в процессе торгов по условиям продажи своей рабочей силы. Новые классы порождали новую систему отношений и, следовательно, основательно обновлённый словарь, каждое новое слово в котором рождено единством, тождеством противоположностей, а потому и их борьбой.

Например, слова - серп, лапти, онучи, голод, каторга, виселица, с одной стороны, и слова - экзистенциализм, дизайн, этика, эстетика, либидо, с другой стороны, свидетельствуют о том, что в обществе сформированы объективные основания для наличия, как минимум, двух противоположных словарей, двух политических партий, одна из которых выражала интересы, например, серпа и онучи, т.е. партия эсеров, а другой словарь - интересы короны, дворцов и банков, например, партия конституционных монархистов. Таким образом, теоретические знания принимают антагонистическое содержание, поскольку, описывая реальные противоположности общественного бытия, они используют для этого соответствующие категории.

Классовый характер информации особенно чётко проявляет себя на научно-теоретическом уровне общественного сознания, которое наиболее адекватно отражает объективную действительность. Наука, как самая представительная, развитая форма организации единиц информации об истине в ноосфере вообще и во всех частных отраслях научных знаний, с материалистических позиций отражает всю, наиболее существенную, освоенную интеллектом, часть практики, общественных потребностей и интересов классового антагонистического общества.

Пока, только первобытный бесклассовый коммунизм характеризовался кажущейся беспартийностью познаний. Само разложение первобытного общества доказывает, что общественное сознание, если оно не достигло научно-теоретического уровня, содержит себе взаимоисключающие «файлы».

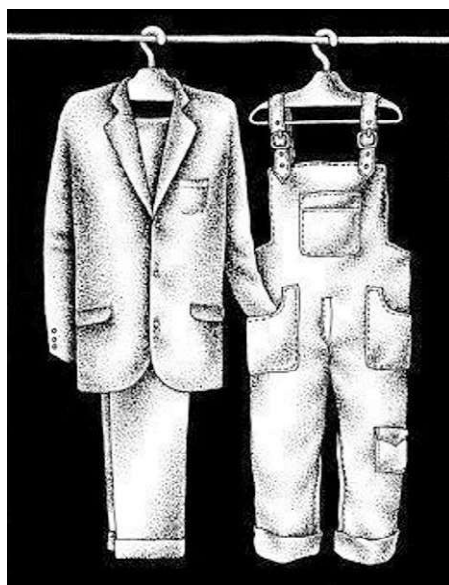
В классовом же обществе все познания, даже глупость и юмор, по необходимости приобретают строго партийное содержание и, если какие-либо знания приносят выгоду одному классу, то ровно на столько же они являются вычетом из благополучия другого класса. Образно говоря, сколько и чего у одного социального класса отнято, столько и того же другому классу присовокуплено. Т.е. в истории, сначала, начинается практическое расслоение этноса по признаку материальной обеспеченности людей, по их месту в системе разделения труда, и тут же образуются институты охраны социального неравенства, юридическая и религиозная надстройка, и рано или поздно, все это находит отражение в сознании, даже, «нейтральных» наблюдателей, но в порядке «позднего зажигания», что выгодно господствующему классу.

Ни Монкретьен, ни Петти, когда делали свои первые открытия в области производства и накопления богатства, не собирались переделывать мир и не подозревали о существовании эффекта партийности. Они, просто, относительно скрупулёзно и, как им казалось, беспристрастно изучили реальное устройство общества, отношения людей и изложили свои наблюдения и выводы под общим названием «ПОЛИТИЧЕСКАЯ экономия», поскольку поняли, что без аппарата насилия частная собственность существовать не может. Более того, Петти вёдливо изучил ВСЮ современную ему архитектуру экономических отношения лишь с ОДНОЙ целью: обеспечить максимальную

прибыль... себе, любимому, **ОДНОМУ** и никому более, а результаты своих исследований, позволивших стать ему министром финансов Англии, он сознательно не обнародовал при жизни, храня записи своих детальных размышлений, как алхимик, в особом ларце. Его не волновало прижизненное признание его талантов исследователя, его волновали деньги. Данная форма эгоизма и является квинтэссенцией буржуазной партийности, обслуживанию которой и подчинено всё научное общество. Силой растущей жадности, буржуазия и осуществляет самоотрицание себя как класса, прежде всего, через конкуренцию, заказные убийства и, следовательно, монополизацию рынка кучкой асоциальных типов. Призывы правительств со-

временных развитых рыночных стран поддержать малый и средний бизнес лишь убедительно доказывают, что одни буржуа, как мягко выразился Маркс, побивают других буржуа, хотя, на самом деле, они просто, пожирают друг друга.

Сложно устранить рыночную экономику, когда мелкими собственниками является большая часть населения страны. Но ситуация существенно упрощается, когда, практически, всю собственность мира, т.е. жизнь планеты, бездарно транжирит всего одна тысяча двуногих

желудков из списка «Форбс». Отстранение от власти этих «пауков» банковского капитала не сулит никаких гражданских войн. Скорее нужно будет выработать механизм, способный удерживать взбесившуюся мелкую буржуазию от майданной формы «революционности». По крайней мере, члены КП Украины не имели ни малейшего отношения к той гражданской войне, которую осуществляют на Украине руками мелкобуржуазных нацистов деньги американских и некоторых украинских олигархов. При этом, мелкобуржуазные нацисты Украины до сих пор не понимают, что после полной победы над москалями им достанется меньше, чем мелкобуржуазная советская интеллигенция получила в 1991 году после разгрома ГКЧП.

Дело здесь в том, что сознание человека, являясь формой, прежде всего, **отражения** материального общественного бытия, может содержать в себе только образы и понятия, фиксирующие в себе **отношения** противоположных элементов природы и общества, поскольку всё реальное бытие соткано из противоположностей. Все, даже

самые мелкие штрихи ноосферы есть не что иное, как отражения одной и той же реальности во всех её нюансах в сознании представителей РАЗЛИЧНЫХ социальных слоёв человеческого общества, разного уровня их УМСТВЕННОГО развития. В каждый момент времени истории классового общества, одна и та же объективная реальность отражается в сознании сытого или хронически голодного, образованного или безграмотного человека, мужчины или женщины - по-разному.

Множество вариантов национализма отражает не объективное коренное отличие этносов, а коренное отличие уровня образованности представителей крупной и мелкой буржуазии, в результате чего у национальных олигархов возникает осознанная мотивация послать своих земляков в окопы на смерть, а в пустых мелкобуржуазных головах миллионов рядовых националистов легко созревают эмоции, загоняющие пушечное мясо в окопы.

Множество вариантов теологии отражает не наличие множества богов, а местную реальную историческую степень объективной детской доверчивости, прежде всего, **необразованной** массы, её свойство верить в примитивные сказки о божестве с разной степенью фанатизма, особенно, если в этих сказках содержится некоторое количество информации о местных реальных фактах. Можно легко понять почему, например, население Аравийского полуострова легко поверило в то, что Мухаммед в своих снах реально летал, поскольку он летал в Багдад. Багдад-то, существует...

Здесь хочется поставить в заслугу русскому этносу то, что он, практически, на тысячу лет позже многих других народов «поверил» в древние народные детские иудейские сказки о божестве, да и то, под страхом смертной казни. А до князя Владимира, религиозность русских людей редко выходила за рамки приготовления блинов на масленицу и прыжков через костры на Ивана Купалу. В северных широтах безоглядно надеяться на бога – смертельно опасный грех. Выживание, и развитие, например, славян, чукчей, нанайцев... необходимо относить не на счёт православных молитв, а на счёт трудолюбия и разумности потребностей этих народов.

Таким образом, поскольку каждое целое существует как единство противоположностей, в том числе и классовое общество, постольку эти противоположности, объективно проявляя себя, позволяют субъекту, при желании и умении, достаточно точно понять, какая из противоположностей определяет его общественное бытие, которое, в свою очередь, может, по образному определению Гейне, соответствовать взаимодействию молота с наковальней. *«Хочешь, в гору поднимайся, хочешь, долу опускайся, хочешь, молотом вздымайся, хочешь,*

наковальней будь». Каждому человеку сравнительно легко понять, в какой роли он фигурирует в реальной жизни: в качестве молота или наковальни, поднимается ли он из грязи, или его бьют. Но гораздо труднее понять, можно ли и, если можно, то, как выйти из положения наковальни. По крайней мере, всемирно-историческая практика свидетельствует, что эта задача уже решена, но лишь теоретически, и решение это, пока, известно лишь очень узкому кругу лиц, и большая часть этих решений остаются «вещью в себе», находятся в летаргическом сне «в курганах книг» классиков марксизма, ещё не читанными, даже, большинством из тех, кто уже объявили себя коммунистами.

Церковь долгие столетия сжигала представителей любых, в том числе и точных, наук потому, что они, своими исследованиями свойств объективного материального мира существенно уменьшали количество ячеек памяти в коре головного мозга, где бы ещё могли ютиться сказки о богах. Только в мозгах, в которых, в силу физиологических или конкретно-исторических причин, остались нервные клетки, незаполненные научными знаниями об окружающей действительности, остается место для формирования слепой веры в бога, в рекламу и в либерально-демократические спекуляции.

Участие в террористических акциях религиозных фанатиков-самоубийц объясняется, прежде всего, их убогой начитанностью, которая не выходит за рамки пропагандистских текстов о критериях попадания в рай. И, чем дальше система образования на территории бывшего СССР уходит от советской материалистической партийной модели, тем интенсивнее пополняются ряды верующих камикадзе, а религиозные вожди пользуются большой доверчивостью необразованной молодёжи. Но не существует принципиальной разницы между смертником с поясом шахида или смертником в кабине современного бомбардировщика. Религиозно-финансовый мотив присутствует в сознании, практически, всех участников современных гражданских войн и «антитеррористических операций». Все современные взрывы освящены религиозными иерархами.

Однако в мировом информационном пространстве ничего не слышно, например, об аксакалах-смертниках, хотя, казалось бы, они и так ближе к богу и всё в своей жизни уже повидали и попробовали. Но только необразованные подростки, юноши и девушки, ничего не знающие о подлинной ценности жизни, способны стать шахидами-смертниками.

Невежественность основной массы населения рыночных стран обусловлена тем, что собственность, на большую часть научных знаний принадлежит господствующему классу. И, если какие-либо знания противоречат его интересам, то эти

сведения, как правило, секретятся, хотя главным инструментом, исключая общедоступность научных знаний, остаётся программа целенаправленного узкоспециализированного рыночного образования, в котором, давно уже, акцент перенесен с обучающих методик на контроль за качеством жесткого зазубривания ЕГЭ. В результате, один социальный слой в своей бытовой практике вынужден довольствоваться, например, арифметикой с трехзначными, иногда, четырехзначными числами, а для другого социального слоя числа ниже восьмизначных являются поводом для самоубийства (что и произошло, например, с Березовским), или для отсидки (как, например, в случае с Ходорковским, Навальным).

Весьма наглядно партийность теоретиков проявляется в области исследования процессов материального воспроизводства общества, особенно, когда они пытаются быть беспартийными. Как известно, А. Смит ввел в оборот формулы Т-Д и Д-Т, описывающие, как ему казалось (в силу недостатка диалектической образованности), реально разорванный в пространстве, во времени и по субъектам процесс товарно-денежного обращения. Более того, ему казалось, что этот приём не содержит в себе ничего классового и партийного. Ведь, исследуя реальную рыночную политическую экономию с помощью этих формул, А. Смит надеялся раскрыть тайну богатства для всех народов, а не для олигархов, но неожиданно для себя пришел к бесспорному выводу, что рыночная экономика при капитализме, однозначно, «заточена» на обогащение только собственников средств производства за счёт армии наёмных рабочих.

А. Смит, приступая к исследованию, не понимал объективной противоречивости своих же формул и того, что В КАЖДОМ случае обмена один из его участников ОБЯЗАТЕЛЬНО проигрывает по стоимости, а тем более, по рыночной цене. Он не понимал, что, на практике, эквивалентный обмен на рынке невозможен, даже если на рынке сойдутся в процессе обмена два альтруиста. Один из них обязательно окажется в проигрыше, ибо эквивалентный обмен на рынке **это лишь теоретическое предположение, фантазия очень высокой степени абстракции**. Поэтому вся политическая экономия, как теория, после А. Смита и Д. Риккардо, встала на позиции вульгарной апологетики буржуазии.

Когда же Маркс обосновал полную формулу простого товарного обращения (Т-Д-Т) или, если её развернуть: (... Т-Д-Т-Д-Т-Д и т.д.), то стало ясно, что она отражает лишь тот исторический этап в развитии рынка, когда господствует мелкотоварное производство, основанное на личном труде, и

мелкая буржуазия ещё не имела в своих рядах миллионеров, она гильотиной ещё только расчищала путь лукавому лозунгу «свобода, равенство братство», имея «джокера» в рукаве, готовясь превратить в анахронизм формулу Т-Д-Т ради утверждения формулы Д-Т-Д', вытекающей из другой очень практичной чисто буржуазной формулы: $2 \times 2 = 5$.

А для того, чтобы скрыть эту «арифметику» обворовывания от неграмотных пролетариев, продавцов товара «рабочая сила», т.е. от основной массы покупателей продуктов пропитания, предпринимателями были выведены формулы сдельной, повременной и аккордно-премиальной форм «заработной» платы, замаскировавшие покупку товара «рабочая сила» по цене просроченной «продовольственной корзины», ежегодно пересматриваемой парламентами всех развитых стран в сторону повышения её цены, но так, чтобы инфляция всегда опережала рост «заработной» платы.

Так что, повторим, не только термины, но и ряд натуральных чисел, и логические, и математические формулы делятся на два подряда. Несколько первых разрядов и арифметические действия с ними способны отразить количественную сторону жизни каждого пролетария, мещанина и членов его семьи, но, начиная с семизначных чисел и до бесконечности, числовой ряд не имеет никакого смысла для современного пролетария, превращенного буржуазией в двуногий прямоходящий придаток к механизму, находящемуся в собственности предпринимателя.

Партийность высшей математики и, даже, большинства разделов алгебры, геометрии, тригонометрии, астрономии, механики объективно исторически состоит, прежде всего, в том, что все они родились не в хижинах и не из потребностей обитателей хижин, и потому столетиями служили делу увековечивания хижин, развития военно-полицейских систем, делу точного расчёта пасхалий и прибылей ради удержания народов в рамках минимальной цены рабочей силы и в наркотическом сне религиозной доверчивости.

Говоря языком теоретической механики, Канторович в своих расчётах подошел к вопросу с примитивно кинематической точки зрения, абсолютно не интересуясь ни природой и **качеством** сил, действующих на «движущееся тело» социума, ни той трансформацией, которую должно претерпеть «тело социализма»,двигающееся с постоянным ускорением и нарастающей «массой» материальных и субъективных элементов этого движения.

Образно говоря, Канторовичу было безразлично, будет ли он решать задачу организации свободного падения или задачу выведения космического корабля на околоземную орбиту. В лучшем слу-

чае, во внимание принималась лишь внешняя сторона движения абстрактной точки, буквально понимаемый им лозунг Хрущева: догнать и переЖрать Америку. Т.е. им была абсолютно не понята суть движения общества из капитализма через социализм к коммунизму, т.е. через отрицание отрицания. Канторович не понимал, что коммунизм есть не только отрицание капитализма, но и отрицание социализма, со всеми его капиталистическими пережитками. Была совершенно не понята принципиальная разница между понятиями и явлениями эффективности производства капитала в эпоху империализма и эффективностью расширенного воспроизводства самого ОБЩЕСТВА на первой фазе коммунизма. Канторович, абсолютно не понимал, что содержанием **первой фазы коммунизма** является осуществление всего необходимого для полного отмирания денег и, следовательно, всех их функций, в том числе и главного для Канторовича «системного критерия» - цены.

Бедой состояла и в том, что вся партийная и антипартийная интеллигенция в СССР, как и Канторович, не понимала, что не социализм, а именно коммунизм отрицает капитализм. Общественно экономическую формацию, **коммунизм**, на первой **низшей** фазе его развития, они обозначали ненаучным термином, социализм, потому, что, как показала практика крушения СССР, большинство советских людей, и особенно, интеллигенция, несли в своём сознании основную пережиток капитализма в виде отвратительного усвоения марксизма.

В этих средах, в самом лучшем случае, господствовала иллюзия, что превосходство социализма над капитализмом складывается как сумма преимуществ отдельных предприятий социалистических стран над суммой предприятий капиталистических стран. Не было понято то простое обстоятельство, что на низшей фазе коммунизма необходимо было гнаться не столько за превосходством отдельных советских предприятий над отдельными капиталистическими предприятиями, сколько за обеспечением нарастающей планомерности, пропорциональности всех отраслей экономики СССР, сбалансированности научно-технического прогресса, что сулило гигантскую экономию общественных сил, средств и времени. Как показывает практика капиталистического хозяйствования, растущая эффективность капиталистических производственных предприятий в условиях рынка лишь обостряет диспропорции и увеличивает глубину экономических кризисов, размах и частотность войн.

Многими теоретиками абсолютно не учитывалось коренное отличие производственных отношений коммунизма от производственных отношений капитализма и, если обратиться к трудам, посвя-

щенным проблеме, например, экономического соревнования двух систем, то, со времен академика Иоффе и Кудрова, сравнение соревнующихся систем осуществлялось ими так, как будто сравнивались две одинаковые формации, т.е. применялись одни и те же критерии, прежде всего, цена.

Из поля зрения большинства дипломированных теоретиков той поры совершенно выпало то обстоятельство, что главное преимущество коммунизма над капитализмом заключается в централизованном научном планировании всего и вся как на индивидуальном, производственном, региональном, так и на союзном уровне. Причем, в планировании осуществлялась балансировка расширенного воспроизводства продукции групп А и Б, для материально-технического обеспечения планомерного социального и мировоззренческого развития всего общества. Только при наличии подобного эффекта можно говорить об обобществлении производительных сил страны НА ДЕЛЕ. Советскому обществу необходимо было динамично двигаться вперёд от юридического закрепления и вооруженной защиты принципа обобществления основных средств производства к органическому обобществлению, т.е. как минимум, к такой степени разделения, кооперации, концентрации производства и обращения продукции, при которой существенно и сознательно ограничивалось действие стихийных, случайных факторов предыдущей рыночной истории, т.е. ощутимо вымирала товарно-денежная, **СТИХИЙНАЯ, ДОГОВОРНАЯ** форма производственных отношений, и утверждалась **СОЗНАТЕЛЬНАЯ**, научная форма балансировки и гармонизации всех отраслей производства во имя возрастания социального эффекта.

Но для большинства ученых постсталинского набора это положение превратилось не в руководство к действию, а в лозунг на плакате.

Свое непонимание сущности марксистско-ленинского учения об обобществлении НА ДЕЛЕ, профессура КПСС иезуитски прятала за, якобы, блестящим пониманием ими животворящей сущности товарно-денежной формы экономических отношений социализма. Они настойчиво протаскивали тезис, что самый короткий путь к коммунизму лежит через совершенствование социалистических товарно-денежных отношений, социалистического рынка. Именно поэтому, как только Андропов сказал «фас», целая свора гайдаров, чубайсов, абалкиных, буничей, шмелевых, лисичкиных заполонила все СМИ публикациями о благотворном влиянии хозрасчёта, рынка, товарно-денежной формы отношений, частной собственности на экономическое развитие страны.

В литературе, вышедшей после Сталина, по-

священной соревнованию двух систем, совершенно не велась речь о выработке и целенаправленном использовании объективного превосходства коммунистических производственных отношений, особенно отношений общественной собственности, для выработки конкретной стратегии победы над капитализмом. Теоретиками и руководителями КПСС эпохи Хрущёва был категорически «забыт» опыт стратегического целевого планирования при Сталине, при котором и план ГОЭЛРО, и пятилетки имели четкую направленность на поэтапное решение стратегических задач формирования объективных предпосылок как для нулификации сил внутреннего капитала в СССР, так и победоносно-го отпора агрессии мирового империализма.

Сущность категорий капитализма, социализма и коммунизма, Канторович представлял не лучше, чем Хрущев или Косыгин. А по молодости, закончив своё обучение в университете в 18 лет, Канторович, просто, не успел освоить, даже, второго тома «Капитала» Маркса, не говоря уже о трудах Гегеля, а потому проблема расширенного воспроизводства всего общественного капитала при капитализме, а тем более, тема расширенного воспроизводства коммунистического ОБЩЕСТВА, осталась для него, если не «черной дырой», поглотившей все здравые мысли, то «белым пятном».

Хрущев и Косыгин были практиками без знаний теории, с большими полномочиями, а Канторович пытался быть теоретиком повышения эффективности социалистической экономики, не имея научных знаний о качественной противоположности теории Маркса всем предыдущим экономическим теориям, в том числе, и социалистическим.

К сожалению, современный математик, при всей вооруженности его памяти формулами, но при **незнании** теории марксизма, объективно не способен принести пользу делу строительства коммунизма, если не получит от марксиста точных разъяснений относительно качественных моделей, без чего операции с количественными характеристиками не имеют смысла. Правда, каждый математик и сам мог бы изучить марксизм так же тщательно, как математический анализ, но, пока, это ему не позволяет сделать своеобразный снобизм и нормы либеральной «тусовки».

Дело тут, прежде всего, в том, что научно обоснованная социальная революция коренным образом отличается от всех предыдущих, научно **не обоснованных** революций, в которых, каждый новый шаг в развитии производительных сил сопровождался ростом размеров юридических и абстрактных «свобод», но существенно большей степенью эксплуатации класса непосредственных производителей собственниками средств производства и

всех других условий существования человека.

На первой, низшей фазе коммунизма, как показала практика, индивид с большими полномочиями, но объективно не владеющий теорией марксизма, вмешивающийся в процесс строительства коммунизма, фактически, оказывает услугу внутренней мелкой и крупной мировой буржуазии в точном соответствии с известной русской пословицей о некомпетентной услужливости. После Сталина, к сожалению, ни один генеральный секретарь ЦК КПСС, при всём желании, не имел возможности поставить Канторовичу **научно** обоснованную задачу, тем более, Андропов.

До Маркса, практически, почти все общественные, как флюгеры, были заняты определением направления, в котором в данный момент «дули ветры истории», и поэтому ставили «паруса», спекулируя на массовой БЕЗГРАМОТНОСТИ «пассажиров и матросов корабля» всемирной истории.

Маркс, впервые в истории человечества показал не «ветры», а **материальные** предпосылки и открыл **объективные** законы **СТИХИЙНОЙ** трансформации форм экономических отношений БЕЗГРАМОТНЫХ людей в зависимости от той или иной степени зрелости средств производства. Но, открыв объективные законы **СТИХИЙНОЙ** смены формации, Маркс вывел и наиболее фундаментальные законы **ОСОЗНАННОЙ** смены эксплуататорских формаций неэксплуататорской, т.е. общественно-научной формацией.

Одним из таких объективных законов и является **ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ** создание партии, кадровый состав которой владеет знаниями объективных законов развития общества, т.е. партии научного централизма, на практике впервые построенной Лениным. Но главной трудностью, встающей на пути действия этого объективного закона, вставлял субъективный фактор: массовая общественно-научная неграмотность интеллигенции, веками отупляемой теологической «философией» и склонной к буржуазно-феодалным бытовым излишествами. Воспитать в расхлябанных снобах пролетарскую партийность оказалось довольно сложно. На решение этой задачи Ленин реалистично отводил не менее столетия.

Как уже отмечалось, «хижины» не имели ни малейшего отношения к развитию философии, от которой, впоследствии, отпочковывались точные науки и социальные идеологии. Аристотель, разрабатывая метафизику, мыслил с позиции искреннего сторонника **рабовладения**. Под этим же мотивом он разрабатывал и диалектику, но поскольку он эту работу не завершил, постольку он не вполне осознавал, что в своем развитии диалектика придет к своей противоположности и, из инст-

румента разработки наилучших вариантов теории управления **рабами**, превратится в наилучший инструмент победы наёмных рабов над тиранами.

Т.е., несмотря на то, что диалектика в момент возникновения разрабатывалась и служила исключительно рабовладельцам и всяческому поповству, т.е. эксплуатации и обману, та же диалектика, соединившись с материализмом, т.е. пройдя через отрицание своих первых идеалистических вариантов, по мере роста количества открытых законов естествознания, превращается в инструмент постижения абсолютной истины и, вместе с отрицанием классового общества, перестает быть исключительно его отражением, превращаясь в бесклассовое знание лишь потому, что исчезает объективная реальность, классы, придающие информации однобокий, а потому реакционный, тормозящий характер. Такова диалектика развития любого знания в обществе, в котором происходит трансформация самого общества от первобытного коммунизма к череде эксплуататорских формаций, вооруженных, прежде всего, религиозной идеологией, а от них, вновь, к бесклассовому обществу, но уже, впервые в истории человечества, вооруженному научным мировоззрением.

С этого момента и начнётся собственно Человеческая история.

Поскольку материальное бытие неоднородно-го социума первично и определяет его общественное сознание в широком круге содержательных элементов, постольку сознание человека в системе классового общественного бытия не способно работать во внеклассовом, беспартийном режиме.

Иной вопрос, что субъекту может казаться, что он свободен в своих суждениях. Но возникает вопрос, а какая необходимость вынуждает его гордиться такой позицией и доказывать себе и другим, что он независим в своих суждениях? Если в СМИ всячески поощряется именно «свобода частных мнений», а СМИ являются частной собственностью олигархов, то совершенно очевидно, кому выгодна подобная свобода доморощенных суждений. Недавно редактор одной из программ польских СМИ извинился перед одним из министров РФ за неудачное ведение интервью с ним и... был уволен с работы.

Разумеется, говоря о партийности, например, математического анализа, речь следует вести не о том, чтобы пристально впериться взглядом в аскридоподобный математический знак, т.н. интеграл, и в экстремумах его начертания искать проявление свободного буржуазного мнения или признаки коммунистической партийности.

Но в том то и заключается феномен, например, буржуазной партийности, что она требует от ученого рассмотрения формул интегрирования без какой-

либо привязки к социальным отношениям и к историческим причинам возникновения данного, несомненно, элитарного уровня развития математики.

Математик должен быть только математиком, - учит вся практика буржуазного общества, и не совать свой нос в иные сферы теоретических знаний. И, чем больше, например, Оппенгеймер и Эйнштейн задавались моральными вопросами по поводу своего вклада в создание ядерного оружия, тем дальше их отодвигали от военных программ и кормушки ВПК.

Как правило, ошибочное суждение интеллигентов о беспартийности «точных» наук, особенно математики, рождается в ходе усиленного разглядывания математических символов и членов числового ряда как таковых в отрыве от причин и истории их возникновения. И если математик разглядывает знак «плюс» в поисках признаков партийности, то, как правило, в это момент он не думает о символе христианской веры, и наоборот, когда он целует крест, он не думает об операции сложения, о механических свойствах конструкции, на которой верующие в бога распяли сына божьего и, тем самым искупили все свои грехи перед богом. В этой корпускулярности сознания и кроется одна из причин беспринципности некоторой части интеллигенции, ощущаемая ими как принципиальная беспартийность. Они, как правило, не замечают абсурдности ситуации: быть виртуозом математизированной логики, и в то же время относится к кресту, как к источнику божественной силы на Земле.

Выписывая на бумаге ноль, математик не думает об ошейнике для раба, или о букве «о», или о прибылях олигархов, которые измеряются количеством нулей после единицы. Математик погружен в ноль, ищет смысл в нуле как таковом, и ему кажется, что он ужасно беспартиен..., **будучи на содержании у буржуазного государства**. Недавно в Турции несколько академиков высказали свое мнение по поводу политики Эрдогана в отношении турецких курдов. На следующий день они были уволены из Академии наук. Думаю, что в ближайшие дни они столкнутся с элементарным голодом.

Ощущение беспартийности усиливает и тот факт, что одними и теми же математическими символами пользуются и коммунисты, и фашисты, и клерикалы. Многие упускают из виду, что не существует предмета, который можно было бы использовать строго одним субъектом и только для осуществления одной операции. Скальпелем может воспользоваться хирург, а может и убийца, скальпелем можно отвернуть винт, зачистить контакты, пустить солнечный зайчик. Это удастся только потому, что в КАЖДОМ явлении, капитальными свойствами материального мира заложены проти-

воположности, причем, не обязательно пара, а бесконечное множество.

Существование нуля в математике стало возможно только после того, когда было осознанно наличие множества одинаковых единиц. Причем, в реальной истории именно операции с относительно большими величинами привели к необходимости открытия явления и понятия НИЧТО. Математика появилась лишь после того, как практике потребовались рациональные приемы обсчета относительно больших масс однородных объектов, и тогда теоретики нашли, что величина и ничто образуют неразрывное единство. Нет конкретной величины без меры, а мера имеет границы лишь потому, что за пределами меры «нечто» лежит «ничто», наличие которого, одновременно, означает его... отсутствие, но именно это «ничто» даёт жизнь следующей конкретной единице меры, конгруэнтной предыдущей мере «нечто», не искажая общего количества единиц «нечто».

Таким образом, любая наука может быть использована в интересах любой партии потому, что любую реальность и информацию о ней составляют ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ, а потому все науки не беспартийны, а ПОЛИПАРТИЙНЫ.

Однако, в зависимости от переживаемой эпохи, одна из противоположностей является доминантной, и потому и наука, и её носители, отражая в своём сознании общественные противоположности, играют или прогрессивную, или реакционную роль. Оставаясь всецело буржуазной, в силу интересов авторов, например, классическая политическая экономия, уже в варианте А.Смита, содержит в себе и элементы верного анализа того, что связано с развитием капитала, и кое-что, связанное с неизбежным метаморфозом класса наёмных рабов в рабочий класс, способный бескомпромиссно очеловечить буржуазию.

Таким образом, одни теоретики вполне сознательно, а другие невольно, придают любой науке, своей разноголосицей в интерпретации целого, вполне многопартийный характер. Но, поскольку одни теоретики, на данной базе знаний пытаются защитить лишь свои, очень часто, большие интересы, а другие теоретики не преследуют никаких личных целей, а лишь подчиняются диктатуре требований объективных законов, постольку именно эти ученые и признаются, в конечном итоге, авангардом, партией рабочего класса.

А раз математика способна выработать методу и формулы обсчета, количественные зависимости в любой области бытия, подобно этому она способна выработать и все необходимые формулы обсчёта, обмера и обвеса и своих конкурентов, и миллиардов пролетариев, а так же обсчитать лю-

бой комплексный, многофакторный общественный процесс, поскольку количество неразрывно связано с качеством.

Многопартийность всех отраслей знаний актуализируется и оформляется в ту или иную конкретную историческую монопартийность, образно говоря, отдельными знатоками в зависимости от того, что именно, интересы, болезненные наклонности или объективные законы господствуют в их сознании.

Если математические знания посвящены проблемам реальных величин, то, в конечном итоге, ведомый материалистическим взглядом на вещи, математик придет к обслуживанию строительства коммунизма. Если математик мобилизовал свои познания для увеличения нулей на счетах своего босса, то, ясно, что речь идет о буржуазной партийности данного холопствующего математика.

Поэтому, в зависимости от уровня умственного развития, системы воспитания, интересов, болезненных или, наоборот, здоровых наклонностей личности, преобладающих «фобий» и «филий», отдельные ИНДИВИДЫ превращают потенциал ПОЛИпартийности науки в её конкретную МОНОпартийность. Но это становится возможным только потому, что в науке есть всё необходимое для сотворения и добра, и зла, и прогресса, и регресса. Единственное, на что не способна наука, это на НАДпартийность, т.е. НАДклассовость или БЕСклассовость.

Могут спросить, что, и в марксизме есть всё необходимое для зла? Конечно. Ведь марксизм есть система научных знаний периода неустрашимой борьбы классов, и он исследует закономерности, прежде всего, борьбы между нарождающейся феодальной знатью и рабовладельцами, между нарождающимся классом предпринимателей и отмирающим классом феодалов и, на основе выведенных объективных законов смены классов, приходит к выводу о неизбежности борьбы пролетарского класса против кучки монополистов за ликвидацию их паразитического способа существования и, следовательно, за ликвидацию эксплуатации человека человеком вообще. Так что, марксизм, более чем любая другая наука, посвятил себя выявлению объективных законов возникновения и развития ЗЛА и законов его устранения. Именно эта противоречивость содержания марксизма и является той субъективной основой, на которой возник победоносный ленинизм, и паразитируют все виды пораженческого оппортунизма.

Можно ли назвать добром пребывание человека в состоянии наёмного раба? А марксизм описанию этого зла посвятил множество страниц. Можно ли считать большим счастьем диктатуру рабочего класса над массой обывателей и бур-

жуазных интеллигентов, ненавидящих рабочих так, как их ненавидели, например, Бунин, Столыпин, Деникин, Шульгин, Пастернак, Солженицын, Новодворская, Гайдар, Чубайс, Ельцин, Горбачёв, Яковлев, Познер, Сванидзе?

Или, представьте детей дворян и буржуазии, их лакеев-теологов, привыкших жить при господах и вдруг, в строгом соответствии с теорией марксизма, они вынуждены жить, как пролетарии, исключительно пропорционально своему трудовому вкладу. Именно эту трансформацию, предсказанную Марксом, почти вся русская интеллигенция восприняла как самую большую трагедию в своей жизни. Даже видный советский писатель, А. Толстой, характеризуя переход представителей русской интеллигенции на нормы быта, в которых веками прибывали русские же пролетарии и крестьяне, назвал этот переход «Хождением по мукам».

Многие русские интеллигенты, как и пассажиры известного «философского парохода», предпочли эмигрировать из России, чем жить так, как вынуждали жить русских пролетариев попы, дворяне, купцы и, обслуживающие их, русские интеллигенты-богословы и богوماзы. Стадность поведения больших масс индивидуумов в годы гражданской войны есть достаточное доказательство схождения их взглядов на жизненные обстоятельства и социальные ценности. В условиях феодально-буржуазной диктатуры им казалось, что они непревзойденные оригиналы и, что по каждому поводу у каждого из них существует собственное мнение, и поэтому для каждого актуальна проблема поиска партий под свои тонкие, изощрённые спекуляции и искренние заблуждения.

Но, как показала многовековая общественная практика и история развития науки, только одно «мнение» оказывается верным и принимает статус всеми признанной объективной абсолютной истины. Следовательно, многопартийность в обществе будет существовать до тех пор, пока существуют носители обыденного сознания, незамутненного научной методологией, и узкоспециализированные ремесленники от науки, механически экстраполирующие выводы своей частной науки на всю общественную практику.

Но сами по себе научные знания, выработанные отдельными индивидами, не оказывают ни малей-

шего влияния на политическую практику масс. Научные знания могут сотни лет, как труды Аристотеля, пролежать в рукописях под слоем земли, никак себя не проявляя. И, даже будучи найденными, труды Аристотеля долгое время будут служить лишь «чистой» диссертационной науке. Необходимо стечение объективных исторических обстоятельств, чтобы учение о диалектике, т.е. о наиболее общих законах РАЗВИТИЯ природы, общества и мышления, о неизбежности качественных скачков в развитии всего и вся, стало достоянием, сначала, партии, а через партийную пропаганду, достоянием пролетарских масс умственного и физического труда.

Ленин оживил для России работы Аристотеля, Гегеля, Маркса и Энгельса тем, что, не только актуализировал их, но и придал этим идеям более лапидарную форму, доступную для понимания передовыми интеллигентами и активными пролетариями и, на этой основе, организовал партию носителей НАУЧНЫХ знаний о законах общественного прогресса.

Партийная работа по привнесению научного мировоззрения в пролетарские массы, например, в России, была облегчена тем обстоятельством, что феодалы и предприниматели сами привели к тому, что крестьянская масса была превращена в армию безработных, безработные превращены в дисциплинированную, обворованную армию обозленных пролетариев, а потому Ленин, привнеся в сознание узкого круга лиц научные знания о развитии, создав партию единомышленников, одновременно создал и авангард будущего рабочего класса

Найдя на полках библиотеки труды Ницше, Гитлер оживил и материализовал его относительно абстрактные идеи в конкретном нацизме и геноциде.

Но практическое столкновение двух форм партийности в годы Великой Отечественной войны, доказало, какая из форм партийности, действительно, научна, т.е. победоносна.

Объективно, труды Канторовича, оказались глубоко партийными и потому нашли конкретную цену («бочку варенья и ящик печенья») в среде монархов и современных олигархов. Строго говоря, без трудов Канторовича Косыгину, Андропову, Горбачёву, Ельцину и Гайдару было бы существенно сложнее ломать СССР.

Декабрь 2015 – февраль 2016.

АНТИНАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА

Часть 1. Доклад «о культе личности и его последствиях»: ложь мирового масштаба

Николай Федотов

Нынешний либерализм измелечал. Представители либеральной идеологии, при всей декларируемой прогрессивности, при всех разговорах об «отсталости России» и «передовом демократическом Западе», на деле, мало чем отличаются от сектантов. Обросший жиром и погрязший в разврате класс капиталистов уже неспособен породить идеологов, которые стоили бы хоть мизинца Руссо, Вольтера, Монтескье. Зато буржуазия создала громадный манипулятивный аппарат, позволяющий внедрять в массовое сознание мифы, воздействуя лишь на эмоции людей. Кроме того, создана даже целая эрзац-наука, которая занимается обоснованием этих мифов для тех, кто мнит себя приверженцем «научного подхода». Общефилософская, методологическая безграмотность современной буржуазной интеллигенции как раз способствует тому, что псевдонаучные труды, изобилующие умело замаскированными фальсификациями, с легкостью принимается теми, кто причисляет себя к интеллектуалам, за чистую монету.

Если у выше упомянутых основоположников либерализма имелась определенная положительная программа, то основной чертой идеологии современных либералов является антикоммунизм. Причем антикоммунизм этот не имеет решительно никакого научного обоснования в виде хотя бы попыток опровергнуть марксизм с научных позиций. Либералы начисто отвергают научную методологию, требую-

щую для опровержения той или иной теории опровергать систему объективных законов, на которых она основана, и создавать новую теорию, с новой системой таких законов. Нет, на научно-теоретическом фронте либералы избегают бороться с коммунизмом. Любой разговор о коммунизме господа либералы сводят к критике собственных версий истории СССР. По сути, единственный «аргумент», который у них остался против коммунистов – это, якобы, «кровавое советское прошлое» с «миллионами невинно репрессированных», «обреченными на голод крестьянами», опять же «миллионами советских солдат, которых кровавые советские военачальники гнали в войну на убой в бессмысленных атаках», ну и, естественно, с дефицитом столь дорогой либеральному сердцу колбасы. По мнению либералов, таким образом, «сама история доказала невозможность и губительность коммунизма».

Парадоксально, но современная либеральная антикоммунистическая мифология уходит своими корнями еще в советские времена. Ее краеугольные камни были заложены еще в середине 50-х годов. Условно говоря, Хрущев своим докладом на XX Съезде разбудил соженицыных и Ко, которые развернули антикоммунистическую агитацию еще в более лживой, невежественной и наглой форме. Ну а после прихода буржуазии к власти методология антисоветчиков была взята на вооруже-

ние многочисленной «научной» обслугой буржуазии, завалившей прилавки антисоветской литературой. Причем часть этой литературы, действительно, вполне умело, с соблюдением всех требований к оформлению, замаскирована под научные труды.

В данной работе я не буду ставить своей целью выявление объективной истины касательно тех или иных явлений в советской истории. Это, в конечном счете, дело историков, которые в свое время с подлинно научных позиций материалистической диалектики до истины докопаются. Моя задача – продемонстрировать антинаучность методологии, которую используют трибуны антикоммунизма и дипломированные холуи буржуазии для критики советского периода.

Как известно, любимая тема всех антикоммунистов – сталинский период. Он представляется в виде своеобразного «концентрированного ужаса», за который коммунисты должны каяться и который, по либеральной логике, является «доказательством» «звериной сущности» коммунизма и коммунистов. Не будет преувеличением сказать, что антисталинская мифология – краеугольный камень всего современного антикоммунизма. Ведь в теоретическом плане либералы марксистам ничего противопоставить не могут. А краеугольные камни антисталинской мифологии заложил никто иной, как «коммунист» Хрущев. Забавно, повторяя по сей день тезисы из его печально известного доклада «О культе личности и его последствиях», либералы почему-то забывают, что они были сформулированы одним из «сталинских палачей» (по либеральной классификации).

На самом деле, лживость данного доклада – это установленный факт. К примеру, американский исследователь Гровер Ферр в своей книге «Антисталинская подлость»¹ убедительно опроверг все антисталинские «аргументы», высказанные Хрущевым. Причем сделал он это даже не с позиций марксизма, а просто на основе фактов.

Примечательно, что и в современном либерально-антикоммунистическом дискурсе вопрос истинности/ложности хрущевского доклада вообще не ставится. На первый план выдвигается его «всемирно-историческое значение» как «удара по коммунизму». Господ либе-

ралов ни капельки не смущает, что этот «удар» был нанесен при помощи откровенной лжи. Вот, к примеру, что говорит известный антикоммунист Сванидзе на одной из либеральных конференций.

«Вот этот доклад, который потряс воображение. Первая страна социализма. Страна, олицетворяющая практически готовый рай на земле. И тут глава государства и партии говорит с трибуны такое. Говорит про человека, богу равного. На которого молились только что»².

Дескать, не суть, что наврал. Главное, что «потряс воображение». И ведь, действительно, в условиях, когда массовое невежество отнюдь еще не было преодолено, несмотря на все успехи массового образования, эта ложь многими была принята за чистую монету. И тот факт, что руководитель первого в мире социалистического государства, стоявшего во главе мировой классовой борьбы пролетариата, вдруг перед всем миром предстал в роли лжеца, безусловно, нанес огромный вред делу коммунизма.

Хотя особо «упоротые» до сих пор носят с этим докладом как с писаной торбой и даже переиздают³.

Итак, обратимся к тексту доклада. Я не буду анализировать его столь подробно, как это сделал Гровер Ферр. Остановлюсь лишь на некоторых ключевых местах.

Вдумчивое прочтение данного опуса приводит к мысли, что он рассчитан на каких-то примитивных людей, готовых принимать на веру абсолютно не доказанные тезисы. Складывается впечатление, что его писали политехнологи, которые ставили своей задачей не доказать вину Сталина, а внушить аудитории, что Сталин – «плохой». Для этого использовался самый широкий спектр манипулятивных приемов: противопоставление (Ленина Сталину), логические манипуляции (принятие за аксиому того, что надо доказывать), обращение к эмоциям (когда, к примеру, количество репрессированных членов партии называется безотносительно разбора их вины) и т.п. Наконец, все это приправлено вопиющей научно-теоретической безграмотностью автора, откровенным оппортунизмом.

1. «Антисталинская подлость» Ферр Гровер (<http://romanbook.ru/book/8807866/?page=1>). Обзор книги Ферра представлен на нашем сайте в статье «Хрущев лгал! Почему это так важно сегодня» «Прорыв» №2 (37) 2013 (http://proriv.ru/articles.shtml/guests?ROLight_37).

2. «XX СЪЕЗД КПСС: НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (<http://moment.gaidarfund.ru/articles/2216>).

3. ПРАВДА ГУЛАГА. «О культе личности и его последствиях» (<http://www.novayagazeta.ru/apps/gulag/41154.html>).

Формула хрущевского доклада состоит из четырех «постоянных»: «культ личности» и «репрессии», которые противопоставляются «коллективному руководству» и «социалистической законности». Начнем с первого:

«После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет».

Марксист, в принципе, не может ставить вопрос столь абстрактно-метафизически при рассмотрении какого-либо явления. Если кого-то наделяют какими-то сверхъестественными качествами, то ключевой для коммуниста вопрос – служит ли это делу коммунизма или нет. То есть «культ» кого-либо или чего-либо не может быть плох «вообще». Разве плох, к примеру, культ науки или культ знаний? А вот культ здоровья может служить реакционным целям в одних условиях (как в нацистской Германии) и прогрессивным в других (СССР). Исследование данного вопроса марксист должен был строить следующим образом. Во-первых, нужно понять сущность явления. То есть, насколько приписываемые Сталину и его деятельности положительные характеристики не соответствовали объективной реальности, то есть реальному вкладу Сталина в дело коммунизма. Во-вторых, если выясняется, что не соответствовали, то определить, какой вред нанес «культ» делу коммунизма. В-третьих, если такой вред доказан, то выявить объективные и субъективные причины формирования такого «культа». Вот это был бы правильный, научный подход.

А что же делает Хрущев? Он ставит вопрос абстрактно. Дескать, «культ личности – это плохо», видимо, не иначе, как из соображений абстрактной «справедливости». Хрущев не занимается анализом роли Сталина в деле коммунистического строительства, не пытается доказать неадекватность «культа» и даже не выясняет его причины. Почему он так поступает, понятно. Ведь и сам докладчик, и его соратники по Политбюро сами были проводника-

ми этого «культа» и неоднократно восхваляли Сталина в своих речах.

Хрущев поступает как манипулятор. Только что обвинив Сталина в «уподоблении богу», он уподобляет богу Ленина и цитирует его, бездумно, будто это «священное писание». Вся его «логика» строится на подборе цитат таким образом, чтобы представить действия Сталина противоречащими заветам Ленина.

К примеру, якобы, Ленин говорил об опоре на массы, а Сталин все решал сам.

«Ленин учил, что сила партии состоит в неразрывной связи с массой, в том, что за партией идет народ – рабочие, крестьяне, интеллигенция. «Только тот победит и удержит власть, – говорил Ленин, – кто верит в народ, кто окунется в родник живого народного творчества» (В. И. Ленин, т. 26, стр. 259)»

Только забывает Хрущев, что эта «неразрывная связь с массами» и призывы «окунуться в родник народного творчества» отнюдь не тождественны хвостизму и отнюдь не доказывают, что Ленин ПРИНЦИП принятия решений ставил выше ВЕРНОСТИ этих решений. Связь с массами состоит, прежде всего, в объективной роли научного авангарда, которую играла большевистская партия, в признании массами этой роли, а не в том, что сами массы принимали решения. Авангардная роль партии и ее монополия на принятие важнейших решений никогда Лениным не ставилась под сомнение.

Сталинский «культ личности» противопоставляется ленинскому «коллективному руководству»:

«При жизни Ленина Центральный Комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства партией и страной. Будучи воинствующим марксистом-революционером, всегда непримиримым в принципиальных вопросах, Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товарищам по работе. Он убеждал, терпеливо разъяснял свое мнение другим. Ленин всегда строго следил за тем, чтобы осуществлялись нормы партийной жизни, соблюдался Устав партии, своевременно созывались съезды партии, пленумы Центрального Комитета».

Что за «зверь» такой «коллективное руководство»? И зачем следовало изобретать этот терминологический велосипед, когда Хрущеву, наверняка был знаком термин «демократический централизм»? По всей видимости, потому,

что нарушение Сталиным принципов демократического централизма пришлось бы доказывать, но сделать это было бы сложно, поскольку данные принципы изложены весьма четко и партийным массам были хорошо известны. А под нарушение непонятого принципа «коллективного руководства» можно подвести все, что угодно.

Термин «коллективное руководство», по сути, представляет собой «идеологему», то есть понятие с произвольным, легко изменяемым значением, «оторванное» от явления. Под «коллективным руководством» понимается «руководство по-ленински». Но что значит «по-ленински»? По версии Хрущева, это «не навязывать силой своих

бираются бездари и решения начинают приниматься голосованием, так очень быстро научное качество этих решений падает.

Тезис Хрущева, будто Сталин пренебрегал «коллективным руководством», - это всего лишь демагогическое утверждение, поскольку «коллективное руководство» суть не пойми что. Чем пренебрегал Сталин - не понятно.

Правда, далее Хрущев все же решает добавить конкретных «аргументов» против Сталина.

Итак, «аргумент» первый. Сталин, согласно «политическому завещанию» Ленина, «груб», «сосредоточил в руках огромную власть» и вообще «следовало обдумать его перемещение с этой должности и замену на другого человека». Правда, кандидатуру на пост генсека Ленин так и не предложил, а ЦК, обдумав, более подходящей кандидатуры на эту должность так и не нашел.

Лживость этого аргумента разоблачает Гровер Ферр в упомянутом выше исследовании. На самом деле, никаким «политическим завещанием» упомянутое Хрущевым «Письмо к Съезду» не является. Никогда в большевистской партии оно таковым не считалось, «политическим завещанием» данное письмо впервые назвал Троцкий в 1934

году в статье «Завещание Ленина»⁴.

Кроме этого, оказывается, что Сталин (о, ужас!) позволил себе нагрубить жене Ленина Крупской, после чего Ленин написал Сталину письмо с требованием извиниться. Из этого делается следующий вывод:

«Если Сталин мог так вести себя при жизни Ленина, мог так относиться к Надежде Константиновне Крупской, которую партия хорошо знает и высоко ценит как верного друга Ленина и активного борца за дело нашей партии с момента ее зарождения, то можно представить себе, как обращался Сталин с другими работниками».

Но какое, собственно, отношение имеет грубость к оценке деятельности Сталина? Тем более что причина конкретной «грубой выходки» в адрес Крупской нам так и не сообщается. Здесь мы имеем дело с типичной попыткой манипуляции аудиторией. Подобная «аргументация» была впоследствии подхвачена «разоблачителями» коммунизма с буржуазной кафедры, которые принялись копаться в личной жизни Маркса, Ленина, Сталина, играя на эмоциях обывателя, не склонного мыслить критически. Не в силах ничего противо-

Хрущев на XX съезде КПСС.
Подлость и глупость освященная
демократической процедурой.

взглядов, убеждать, разъяснять». Однако, убеждая и разъясняя, Ленин не раз именно навязывал свои взгляды большинству. К примеру, по вопросу о Брестском мире. И Сталин, как о том ниже говорит Хрущев, сыграл большую роль в идейном разгроме троцкистов и бухаринцев. То есть ему все же удалось разъяснить партийным массам враждебность этих платформ, не прибегая к административным мерам. И Ленин, и Сталин попадали в такие условия, когда «убеждения и разъяснения» не помогали, и приходилось продавливать свои решения тем или иным путем. Как об этом неоднократно писал «Прорыв», принцип демократического централизма при таком подходе был, по сути, формальностью, поскольку не составляло труда получить коллективное одобрение решения, верность которого безупречно доказана. В таких и только в таких условиях разрушительный потенциал демократического руководства нивелируется высоким уровнем научного развития партийного руководства. Однако как только при помощи тех или иных формально-демократических манипуляций в руководство партией про-

4. Троцкий Л. «Завещание Ленина» (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/trock/__.php).

поставить марксизму как науке, эти горе-учёные по заказу своих классовых хозяев принялись создавать «негативные образы» крупнейших марксистов. Кстати, в упомянутой книге Ферра приводятся доказательства, что, несмотря на возможную реальность этого эпизода с грубостью, хорошие отношения Крупской и членов семьи Ленина со Сталиным сохранялись долгие годы.

«Аргумент» второй. Сталин слишком жестко разобрался с «троцкистами-бухаринцами-зиновьевцами». Хрущев не ставит под сомнения заслуги Сталина в разгроме этих антипартийных течений. Правда, делает он это стыдливо, заявляя, что «партия разгромила», «партия разоблачила» и т.п. Упрек сводится к тому, что идейного разгрома было вполне достаточно, а «репрессировать» их не имело ни малейшего смысла.

«Борьба велась на идейной основе. Но через несколько лет, когда социализм был уже в основном построен в нашей стране, когда были в основном ликвидированы эксплуататорские классы, когда коренным образом изменилась социальная структура советского общества, резко сократилась социальная база для враждебных партий, политических течений и групп, когда идейные противники партии были политически давно уже разгромлены, против них начались репрессии».

А вот тут Хрущев в очередной раз демонстрирует свое непонимание марксистской диалектики. Он смотрит на ситуацию, как типичный метафизик. Дескать, поскольку количественно меньше стало кулаков и буржуазных элементов, постольку «сократилась социальная база» для враждебных течений. Он полагает, что сосланный кулак или запрещенный спекулянт-нэпман мигом стали добросовестными советскими гражданами и стали прилежно трудиться на дело коммунизма. Причем за кратчайший срок, буквально за одно десятилетие. Здесь Хрущев демонстрирует непонимание закона обострения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму. Если количественно социальная база для буржуазных течений и сократилась, то это не значит, что данные течения ослабли. Нет, они просто приняли иные формы, их представители устроились на работу в советские органы, перешли к диверсионной работе. Кроме того, нужно учитывать классовую расстановку сил и в мировом масштабе, то есть международную обстановку, в которой группировки бухаринцев и троцкистов-зиновьевцев были уничтожены физически. Если внутри страны по остаткам эксплуататорских классов был нанесен серьезный удар, то на международной арене, наобо-

рот, усилился фашизм. Что в ближайшее время начнется мировая война, было абсолютно понятно. Так вот качественно в таких условиях, даже идейно разгромленные враги, социальная база которых уменьшилась, становятся не менее, а более опасными.

Однако вопрос о сущности и опасности данных течений в тот конкретно-исторический момент обходится Хрущевым стороной. Этот прием тоже будет многократно применяться в будущем антисоветчиками-диссидентами. Акцент сделан не на доказательстве неправильности избранной меры пресечения для приверженцев антипартийных линий, а на абстрактном морализаторстве в духе «нельзя убивать людей за их взгляды». Казалось бы, чего проще? Были осуждены определенные деятели, судебные процессы над ними были открытыми, все материалы дел публиковались в печати. Если Хрущев ставит вопрос, что мера пресечения была избрана неправильно, то нужно «всего лишь» доказать, что следствие руководствовалось фальсифицированными данными, поэтому столь суровое наказание было излишним. Но разоблачитель «культы личности» ничем подобным не занимается. Он продолжает воздействовать на эмоции аудитории бездоказательными утверждениями.

«Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности».

Вот врёт и не краснеет. Ну да, было такое понятие «враг народа», но оно не являлось юридическим термином. Никого не осуждали с формулировкой «враг народа», в Уголовном кодексе данное понятие вообще нигде не используется. Объявление кого-то «врагом народа» было не источником юридических последствий, а, наоборот, наличие доказательств враждебной деятельности было причиной объявления того или иного деятеля «врагом народа». Кроме того, здесь Хрущев явно противоречит сам себе, поскольку выше он сам же утверждает, что «троцкисты-бухаринцы» были разоблачены именно идейно. То есть все же именно идейное разоблачение предшествовало объявлению «врагами народа», а не наоборот.

Ну и далее снова используется любимый хрущевский прием – противопоставление Сталина Ленину, «подкрепленное» цитатами. Дескать, Ленин

предпочитал заблуждающихся переубеждать, а Сталин просто уничтожал. В «доказательство» приводится следующее ленинское высказывание:

«Как особое задание Контрольной Комиссии, рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа показывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро цеха и т. п.»

Вообще, в ходе чтения хрущевского доклада возникает стойкое ощущение этакого дежа-вю. Ну да, конечно! Ведь рассуждения современных нам оппортунистов, как две капли воды, по уровню аргументации похожи на хрущевское пустозвонство.

К чему автор привел данную цитату – непонятно. Любому материалисту-диалектику очевидно, что вопрос об отношении к инакомыслящим в партии надо решать конкретно-исторически, а не абстрактно, как то делает Хрущев, возводя рекомендацию Ленина от 1920 года в ранг догмы, справедливой на все времена и для всех случаев.

Дело в том, что в 1920 году конкретно-исторические условия требовали иного подхода к небольшевистским элементам, а кадровый дефицит диктовал необходимость использовать в интересах строительства коммунизма даже этих людей до тех пор, пока не будут подготовлены уже собственнo-большевистские кадры или же сами эти кадры не перейдут на большевистские позиции. Но даже позднее уже идейно разгромленными оппозиционерами отнюдь не безговали.

Оппозиция была идейно разгромлена к концу 1920-х годов. О чем, собственно, одобрительно отзывается и Хрущев. Расстреляны по приговору суда Зиновьев, Каменев, Бухарин и т.п. были в 1936-1938 гг. А вот с момента идейного разгрома до расстрела этих людей вполне себе пытались использовать на ответственных должностях. Так, Бухарин вплоть до ареста занимал должность главреда «Известий», Зиновьев работал в редколлегии журнала «Большевик», Каменев тоже вполне официально занимался редакционной работой. То есть поступал Сталин с кадрами вполне в соответствии с ленинскими рекомендациями.

Расстреляны они были лишь тогда, когда стало ясно, что эти кадры, несмотря на идейный разгром, продолжали вести антипартийную работу, то есть вредить. Причем в условиях крайне тяже-

лых, когда внутренние враги перешли к диверсиям и террору, воодушевленные усилением реакции в Европе. Убеждать их в очередной раз не было ни малейшего смысла.

Гровер Ферр касательно этого «аргумента» пишет:

«В течение всей жизни у Сталина не было хотя бы одного случая, когда кто-то был «исключен из руководящего коллектива» только из-за несогласия с его мнением. Примечательно, что и в докладе Хрущева нет ни одного такого конкретного примера.

Стоит напомнить: Сталин был генеральным секретарем ЦК ВКП(б), в ЦК и в Политбюро у него был только один голос. Центральный комитет мог освободить его в любое время, и сам Сталин пробовал уйти с поста генерального секретаря четыре раза. Но каждый раз его прошения об отставке отклонялись. Последняя из попыток такого рода была предпринята на XIX съезде партии в октябре 1952 года. Она была тоже отклонена, как и все другие».

Показательно, что дальше Хрущев утверждает, что и Ленин мог быть беспощаден к врагам, которые представляли серьезную угрозу для советского государства. Однако с оговоркой:

«Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов, а не против тех, которые ошибаются, которые заблуждаются, которых можно путем идейного воздействия на них повести за собой и даже сохранить в руководстве».

Тем не менее, что бухаринцы, троцкисты, зинovieвцы были именно такими «хорошими» врагами, никак не доказывается, а преподносится как аксиома. Хрущев не просто знал о судебных процессах над этими группировками, но и сам вел с ними борьбу, требовал расстрела врагов на митингах. Тогда, в 1936-1938 годах, ему почему-то не казалось, что их можно «перевоспитать». Кстати, и в своем докладе на XX съезде он не признал, что тогда ошибался, и даже не доказал, что его ввели в заблуждение якобы фальсифицированные материалы дел.

На самом деле, как ни крути, но, если Сталин – «преступник», то Хрущев и его шайка – соучастники «преступлений». Ведь они были в руководстве вместе со Сталиным и одобряли все «преступные решения». Ссылка на то, что «боялись», ставит на господах Хрущеве и Ко крест как на коммунистах. Здесь Ферр приводит примечательный факт:

«Кое-кто в коммунистическом движе-

нии проницательно заметил, сколь недостойно выглядит подобное оправдание: «Когда советский лидер Анастас Микоян во главе делегации КПСС в Китае присутствовал на VIII съезде КПК в 1956 году, Пэн [Дэхуай] с глазу на глаз спросил его, почему только сейчас советская партия осудила Сталина. Микоян предположительно ответил: „Мы не осмеливались выступать со своим мнением в то время. Поступить так означало смерть“. На это Пэн [Дэхуай] возразил: „Что это за коммунист, который боится смерти?“».

Вот именно. Дело в том, что при Сталине данные господа боялись. Но они боялись не просто высказываться, а врать и нести безответственную чушь. История убедительно доказала, какую роль сыграли по отношению к делу коммунизма эти изворотливые бездари. Результаты их политики хорошо известны.

Ну а далее снова следует «гимн коллективному руководству». Дескать, «Ленин никогда не принимал решения единолично», «всегда советовался с ЦК», «регулярно созывал съезды» и вообще «свято соблюдал принцип демократического централизма». Не буду углубляться в критику данного принципа. Благо, в «Прорыве» опубликован целый цикл статей, посвященных данному вопросу. Подчеркну лишь, что здесь Хрущев снова уделяет внимание не сущности принимавшихся решений, а форме их принятия. На самом деле, здесь нет никакой разницы. Если Ленин сформулировал решение, и большинство его одобрило, то на практике все равно реализовывалось именно ленинское решение, в силу его ВЕРНОСТИ, то есть отсутствия у оппонентов способности верность данного решения опровергнуть с научных позиций. По хорошему, Хрущеву нужно было показать, какие решения были приняты большинством и при этом отличались от ленинских, доказав, что истина в ленинском ЦК определялась голосованием. Но такого не было на практике. На практике и при Ленине, и при Сталине в партии господствовал принцип научного централизма, несмотря на провозглашавшийся принцип централизма демократического. Абсолютно несущественно, что Ленин в силу конкретно-исторических обстоятельств вынужден был делать формальные уступки и получать одобрение большинства для каждого из своих решений, а у Сталина уже не было такой необходимости в силу иных условий, когда авторитет партии еще более усилился, а борьба с оппортунизмом привела к его серьезному поражению. Поэтому и съезды созывались реже. Вместо доказательства неправильности сталинских реше-

ний, Хрущев лишь акцентирует внимание на форме их принятия.

Далее автор вытаскивает «козырь», начинает рассуждать о «репрессиях» по отношению к членам партии.

«Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила многочисленные факты фальсифицированных дел против коммунистов, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937-1938 годах «врагами», в действительности никогда врагами, шпионами, вредителями и т. п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал о массовых репрессиях против делегатов VII партийного съезда и членов Центрального Комитета, избранного этим съездом. Этот материал был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета».

Что здесь бросается в глаза? Да отсутствие конкретики. «Многочисленные факты» - это сколько? 10 из 100 – это одно, 10 из 10000 – качественно другое. «Погибли многие невинные люди» - это, опять-таки, сколько? И из чего следует их «невиновность»? Как известно, виновность, как и невиновность, устанавливает суд. Если кто-то был признан виновным по приговору суда, то для доказательства невиновности нужно доказать фальсификацию материалов дела, найти конкретных виновных в этом и наказать.

Однако Хрущев невиновность «доказывает» очень своеобразно. К примеру, он заявляет, что «из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937-1938 гг.) 98 человек, то есть 70 процентов». При этом, вместо доказательства невиновности расстрелянных, он пускается в посторонние размышления, дескать, 80% делегатов съезда вступили в партию до 1920-го года, то есть в годы подполья и Гражданской войны. Да и вообще, «немыслимо было, чтобы съезд такого

состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии».

Ну почему же это было «немыслимо»? В конце концов, очень даже «мыслимо» оказалось, что активный разоблачитель «врагов народа», то есть прямой участник тех самых «репрессий» Хрущев выступил с клеветническими измышлениями против Сталина и, более того, начал проводить откровенно оппортунистическую политику, не имевшую ничего общего с коммунистическим строительством. И ведь практически никто из хрущевского ЦК не смог ничего противопоставить этой политике. То есть принцип демократического централизма в середине 50-х годов вполне смог сработать против коммунизма, а в середине 30-х, в гораздо более сложной внутри- и внешнеполитической обстановке, по хрущевской логике, никак не мог.

Как ни крути, надо доказывать невиновность «репрессированных». Однако и это Хрущев делает очень своеобразно, начинает приводить примеры «невинно пострадавших». Так, он приводит как пример бывшего кандидата в члены ЦК Эйхе. Хрущев с самого начала заявляет, что дело Эйхе было фальсифицировано и вообще велось с нарушением советской законности. Дескать, его под пытками заставляли подписывать заранее составленные протоколы допросов, и вообще он полностью невиновен. В доказательство всего этого приводится... письмо самого же Эйхе Сталину, в котором он, естественно настаивает на своей невиновности. И там есть интересный фрагмент. Эйхе утверждает, что показания о своей контрреволюционной деятельности он дал после применения к нему пыток, которые применили к нему следователи Ушаков и Николаев. А они, в свою очередь, как сообщается в сносках к докладу, были расстреляны в январе 1940 года, то есть даже раньше расстрела самого Эйхе. Это означает, что их вредительская деятельность была вскрыта органами НКВД, и если б только материалами, полученными этими следователями, доказывалась виновность Эйхе, он должен был бы быть оправдан. Однако его все же расстреляли. Так что не все так просто, как получается у Хрущева. Это не говоря уже о том, что доказывать невиновность обвиняемого его же собственными показаниями – это дикость. Даже если имели место пытки, то это не значит, что абсолютно все показания были фальшивыми. Да и какие основания верить сообщениям о пытке от заинтересованного лица, то есть от обвиняемого? У него ведь есть пря-

мой умысел врать, пытаясь доказать свою невиновность. Как правильно заметил Ферр:

«В одном из фрагментов стенограммы суда 1940 года Ежов заявляет, что подвергся изуверским истязаниям с целью получения от него ложных показаний. И, тем не менее, виновность Ежова в фальсификации признаний, побоях и пытках, фабрикации дел и физическом уничтожении многих невинных людей не подлежит сомнению».

Тем не менее, на основании этого факта Хрущев почему-то не делает вывода о невиновности Ежова, а касательно Эйхе и других – запросто.

Подобных псевдо-доказательств Хрущеву оказывается достаточно, чтоб заявить: *«В настоящее время бесспорно установлено, что дело Эйхе было сфальсифицировано, и он посмертно реабилитирован».*

Если это установлено «бесспорно», то можно было это как-то более убедительно продемонстрировать. Допустим, поднять дела тех же следователей Ушакова и Николаева, убедительно разоблачить абсурдность показаний самого Эйхе, якобы, данных под пыткой. Опять же, если дело было фальсифицировано, то кем конкретно и в чем конкретно? Если следователями Ушаковым и Николаевым, то расстрел Эйхе выглядит абсурдно. Если кем-то другим, то нужны, как говорится, «имена, явки, фамилии». Но ничего нет.

Более того, есть один нюанс, на котором стоит остановиться подробнее. Хрущев заявляет, что Эйхе «посмертно реабилитирован». Но суть в том, что в советском уголовно-процессуальном законодательстве не было такого термина как «реабилитация». Вынесенный приговор мог быть отменен, из этого следовала невиновность лица, но отмена приговора – прерогатива суда. Причем фальсификация материалов уголовного дела, если все же лицо признавалось невиновным, - это тоже серьезное уголовное преступление, в соответствии с советским уголовным законодательством.

Так, спрашивается, зачем вместо прописанной в советском законодательстве процедуры отмены приговора было изобретать велосипед с «реабилитацией»? Да потому что сильно упрощалась процедура. Что самое интересное, процедура упрощенного судопроизводства Хрущева возмущает, а вот упрощение процедуры отмены приговора не смущает нисколько. Хотя в первом случае могли пострадать невиновные, а в другом – выйти на свободу откровенные

враги.

Хрущевская «реабилитация» проводилась во внесудебном порядке. Эта задача была возложена на некие «комиссии по реабилитации» *«в составе: прокурора республики, края, области (председателя), членов комиссии: министра внутренних дел республики, начальника Управления МВД по краю, области, начальника Управления Комитета государственной безопасности по республике, краю, области, министра юстиции республики, начальника Управления министерства юстиции, края, области» («Реабилитация: Как это было»⁵)*

Более того, серьезные проблемы возникают касательно мотивировки каждого из решений по «реабилитации». В том же самом процитированном выше сборнике документов можно увидеть следующие формулировки таких решений:

«Прокуратурой СССР установлено, что дело о существовании в Академии Наук СССР контрреволюционной организации «Национальный центр» было сфабриковано в 1938 году по заданию ныне разоблаченных врагов народа Берия и Кобулова». (Там же. С.35)

И всё. Никаких подробностей и никаких доказательств не приводится. Никаких документов и ссылок на них, хотя такая работа должна была быть проведена, должны были быть проведены все необходимые следственные действия по изобличению фальсификаторов. И очень неплохо бы было эти документы придать широкой огласке. Это было вполне в интересах Хрущева. Но ничего подобного не произошло.

Вообще, очень странно, что сборник документов касательно «реабилитации» не содержит документов касательно проверки материалов дел. Как правило, достаточным условием для «реабилитации» признавались показания обвиняемых насчет того, что к ним применялись пытки. А если в деле были показания других свидетелей и те тоже заявляли о пытках, то и их показания тоже признавались недействительными.

Конечно, глупо спорить с тем, что в сталинские времена в ходе расследования дел допускались нарушения. Однако при Сталине велась работа по разоблачению врагов, в том числе, и в органах внутренних дел. Такие их руководители как Ягода и Ежов были осуждены и расстреляны, наравне со многими сотрудниками более низ-

кого ранга.

В рамки данной статьи не входит выяснение виновности или невиновности тех лиц, о которых Хрущев упоминает в своем докладе. Однако факт в том, что и в указанном докладе, и в изданных на сегодняшний день сборниках документов «доказательства» отсутствия вины имеют крайне поверхностный характер. Это не говоря уже о спорности самого термина «реабилитация», отсутствовавшего в советском уголовно-процессуальном законодательстве. Судя по всему, «реабилитация» - это признание невиновными тех, кто заявлял о нарушениях «советской законности» (то есть о даче показаний под пытками), при этом категорически отрицал свою вину и клялся в верности советской власти. Критикуя Сталина за то, что при нем признание, якобы, было «царицей доказательств», Хрущев сам при рассмотрении вопроса о невиновности опирается на те же самые признания. Все те «нормы советской законности», в нарушении которых Хрущев обвинил Сталина, точно так же были нарушены им самим при проведении так называемой «реабилитации».

На самом деле, отмена приговора – это довольно сложная задача. Материалы дел, порой, занимают не один том. Пересмотр дел и доказательство фальсификации, если подходить к делу добросовестно, тоже требует соответствующего документального оформления. Здесь бросается в глаза разница между сталинским и хрущевским подходом. Наиболее громкие судебные процессы 1936-1938 гг., а также «Ленинградское дело» проводились открыто, материалы дел печатались в центральных газетах. В то же время ни один процесс над «сталинскими палачами», вроде Берии и Абакумова, открытым не был. Материалы дел ключевых «реабилитированных» фигур, вроде Постышева, Косиора, Рудзутака, Косарева и того же Эйхе, не были опубликованы, равно как не были опубликованы и доказательства фальсификации их дел.

Если бы целью Хрущева было восстановление справедливости, то, наоборот, доказательства невиновности должны были быть безупречны и доступны для изучения каждому советскому гражданину. Но создается впечатление, что мотив был другой, а именно, «реабилитация» целого ряда откровенно оппортунистических тезисов. К примеру, тезиса о том, что ценность члена партии определяется его заслугами. Дескать, статус «старого большевика» дает вечные гарантии от скатывания к оппортунизму. Абсолютно

бездоказательной ревизии подвергается сформулированный Сталиным закон о росте классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму. В абсолют возводится принцип демократического централизма, предполагающий определение истины голосованием и уравнивание в правах всех мнений, в независимости от их соответствия объективной истине. Откровенно метафизически освящаются некие «ленинские нормы партийной жизни». Хотя, владей Хрущев материалистической диалектикой, он понимал бы, что никаких раз и навсегда данных норм партийной жизни быть не может, что эти нормы определяются исключительно конкретно-историческими условиями. Надо понимать, что цель коммунистов – не соблюдение, сформулированных Хрущевым «ленинских норм», а реальный коммунизм. Нормы партийной жизни должны служить делу коммунизма. Если же они препятствуют коммунистическому строительству, то должны быть непременно и творчески исследованы, проверены и оперативно заменены. История убедительно продемонстрировала, как соблюдение «норм партийной жизни», приписанных Ленину Хрущевым, то есть тех же «принципов демократического централизма», без оглядки на качество самой партии, не только не препятствовало, но и способствовало реставрации капитализма.

То и дело автор доклада скатывается к пустому и абстрактному морализаторству. К примеру, в вопросе о применении пыток. Хрущев безапелляционно заявлял, дескать, пытки – это «нарушение советской законности» и не могут в принципе быть допустимы. Типичная позиция метафизика-моралиста, а не марксиста. Любой марксист понимает, что нельзя просто так взять и раз и навсегда принципиально исключить тот или иной метод разоблачения врагов, преступников. Поскольку методы определяются опять же конкретно-историческими условиями.

Примечательно, но именно в период «расцвета либеральных свобод», в 90-е годы, пытки получили в России самое широкое распространение. Рэкетирский утюг и паяльник до сих пор считаются неофициальными символами того десятилетия. Впрочем, не брезговали ими и сотрудники правоохранительных органов. Конечно, господа либералы, могут возразить, что все это было незаконно и они, безусловно, против пыток. Однако было бы не лишним попросить либералов философски развернуто доказать, чем ситуация, когда пытки применяются и законными, и незаконными структурами (разница между которыми была лишь формаль-

ной) практически безнаказанно, качественно отличается от той, когда применение пыток все же регламентировано законом. С одной стороны, эти господа кричат, что «пытать нельзя», с другой их действия не раз приводили к тому, что пытки используются в самых широких масштабах. Будь то пиночетовская Чили, РФ в 90-е или современная Украина.

Да, безусловно, допущение таких методов открывает определенные возможности для произвола сотрудников органов внутренних дел. Но тут опять же марксист должен обратиться к такой категории как «мера». Что в 30-е годы было более опасно для дела коммунизма? Возможность осуждения невинных или избежание наказания откровенными врагами? Хрущеву следовало доказать, что применение пыток в тех условиях было нецелесообразно и принесло больше вреда, чем пользы. Вся хрущевская аргументация сводится к тому, что вреда было больше, поскольку «пострадали многие честные партийцы». Но «доказательства» их «честности» отсутствуют. Все сводится к тому, что их «оклеветали» и «заставили под пыткой оклеветать себя», приписали преступления, которых они не совершали. Однако политическая физиономия данных членов партии и вовсе обходится стороной. Утверждения по поводу того, что уничтожение данных членов партии нанесло партии урон, таким образом, абсолютно голословно. Почему-то, например, Рокоссовский никого не оклеветал, а твердо доказывал следствию свою правоту.

Ведь достаточно посмотреть на тех деятелей, которых Хрущев приводит в пример, как «невинно пострадавших».

Косиор, судя по всему, управленец довольно посредственный, чтобы не сказать - бездарь. Коллективизацию на Украине откровенно провалил, да и, в общем-то, какими-то особыми достижениями в промышленности не отметился. О научной марксистской работе Косиора и говорить нечего. Её просто нет.

Постышев. У этого вообще одна «заслуга». Ёлку новогоднюю «реабилитировал». Ни научной работы, ни каких-то выдающихся достижений, опять-таки, нет. Зато якшался с правыми троцкистами.

Рудзутак – все то же самое. Ни на трудовом, ни на научном фронте особых заслуг нет.

Эйхе. Этот вообще в 1937-м был назначен Наркомом земледелия, а в 1938-м уже арестован. Слабо верится, что за хорошую работу на своем посту.

Что самое интересное, все они - активные

проводники той самой «политики репрессий». Впрочем, как и сам Хрущев, который собственноручно и подписывал так называемые «расстрельные списки» (на самом деле, это были списки с указанием максимально возможной меры пресечения⁶), поскольку на момент пика «репрессий» занимал должность первого секретаря московского и областного горкома партии.

Но вернемся к тексту доклада. Очередной «аргумент» против Сталина сводится к тому, что он, дескать, виновен в потерях, которые понес СССР во время Великой Отечественной войны. Особенно, в начальный период. Эти обвинения до сих пор на разный лад перепеваются антикоммунистами всех мастей, поэтому остановимся на них подробнее.

Итак, обвинение первое. «Сталина все предупреждали о нападении, даже даты называли, а он «почил на лаврах» и ничего не предпринял».

«В ходе войны и после нее Сталин выдвинул такой тезис, что трагедия, которую пережил наш народ в начальный период войны, является якобы результатом «внезапности» нападения немцев на Советский Союз. Но ведь это, товарищи, совершенно не соответствует действительности. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он сразу же поставил перед собой задачу разгромить коммунизм. Об этом фашисты говорили прямо, не скрывая своих планов».

В данной статье уже несколько раз приводились примеры научной безграмотности господина Хрущева. Причем эта безграмотность носит бесцеремонный, нахрапистый характер. Вот и здесь, видимо, он принимает свою аудиторию за полных идиотов, столь откровенно подменяя понятия. Сначала он утверждает, что сталинский тезис о внезапном нападении неверен. Однако «доказывает» он его тем, что «фашисты никогда не скрывали своей враждебности коммунизму». Да, не скрывали. И Сталин прекрасно это понимал. И вряд ли вообще кто-то в советском руководстве сомневался, что война с фашизмом обязательно будет. Но речь шла о внезапности. Так вот, ни Сталин, ни кто-либо еще в советском руководстве не могли знать ТОЧНОЕ время начала этой войны и той формы, в которой она начнется. Знать о враждебных намерениях – это одно, а вот знать, как и когда эти враждебные намерения будут реализованы – это уже совсем другое.

Правда, чуть дальше он приводит «факты». Дескать, и Черчилль предупреждал, что немецкие войска концентрируются у границ СССР, и разведка сообщала конкретные даты нападения, а Сталин, такой-сякой, никак не реагировал.

Легко, конечно, так было рассуждать через 15 лет после начала войны, когда уже были знания о том, где, кто, когда и какими силами напал противник. Но непосредственно перед началом войны таких знаний быть не могло. Налицо была сложная международная обстановка и множество возможных вариантов развития событий и донесений разведки, часто противоречивших друг другу.

Однако Хрущев продолжает настаивать, что Сталин все делал неправильно, когда, на самом деле, якобы были все возможности «подготовиться к войне».

«Если бы наша промышленность была вовремя и по-настоящему мобилизована для обеспечения армии вооружением и необходимым снаряжением, то мы понесли бы неизмеримо меньше жертв в этой тяжелой войне. Однако такой мобилизации своевременно проведено не было. И с первых же дней войны обнаружилось, что наша армия вооружена плохо, что мы не имели достаточного количества артиллерии, танков и самолетов для отпора врагу».

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии по существу в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных снарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено».

Ну, это уже совсем детский сад. Что такое «вовремя и по-настоящему»? Не мог Хрущев не знать, какие конкретно мероприятия по расширению промышленного производства были предприняты в 1939–40 гг. Это и увеличение про-

должительности рабочего дня и рабочей недели, и принятие строгих законов против прогулов, и строительство дублеров предприятий за Уралом. Да, многое не успели сделать. Но каким бы, интересно образом, смог бы Хрущев в промышленной мобилизации через голову прыгнуть? Никаких конкретных ошибок Сталина в подготовке производственной базы к войне он не называет. «Не имели достаточного количества танков и артиллерии»... Хорошо. Но как можно было произвести больше в тех условиях без потери в качестве? Ничего конкретного он не предлагает. Были ли реальные возможности обеспечить армию «великолепными образцами танков и артиллерии» в полном объеме и раньше, чем «в самый канун войны»? Такое впечатление, что Хрущев либо понятия не имеет, насколько сложной задачей было сокращение этих сроков и перевооружение армии, либо знает, но намеренно врёт. Что к нему уже в бытность руководителя советским государством прилипло прозвище волюнтариста, говорит, скорее, о первом. В экономических вопросах он был откровенным профаном. Окажись Хрущев у власти в те годы, вместо Сталина, имели бы «расширенное производство» низкокачественных танков. Как он решал вопросы «расширенного производства» - видно, к примеру, по тому, как он «решил жилищный вопрос», когда в относительно короткие сроки произвели массу квадратных метров низкокачественного жилья с коротким сроком службы.

Кстати, как сам Хрущев «готовился к войне» и как он вел себя на своем ответственном посту первого секретаря компартии Украины? В своем докладе он жалуется:

«К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов. Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружие. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами».

На самом деле, здесь Хрущев сам себя дискредитирует как руководитель высшего уровня. Ведь это его прямая обязанность — быть в курсе того, хватает или не хватает винтовок. Он заявляет, что Сталин плохо подготовил страну к войне. Хорошо, предположим. Но Хрущев на своем посту имел все возможности

подготовиться лучше, хотя бы в рамках УССР. Почему он не цитирует свои письма предвоенного периода, в которых докладывал о неготовности, нехватке винтовок и т.п.? Да потому что не было таких писем. Гровер Ферр цитирует Василевского, в изложении которого данный момент выглядит совсем иначе:

«...Верховный главнокомандующий сказал, что примет все меры для того, чтобы оказать Юго-Западному фронту помощь, но в то же время просил их рассчитывать в этом вопросе больше на себя.

— Было бы неразумно думать,— говорил он,— что вам подадут все в готовом виде со стороны. Учитесь сами снабжать и пополнять себя. Создайте при армиях запасные части, приспособьте некоторые заводы к производству винтовок, пулеметов, пошевеливайтесь как следует, и вы увидите, что можно многое создать для фронта в самой Украине. Так поступает в настоящее время Ленинград, используя свои машиностроительные базы, и он во многом успевает, имеет уже большие успехи. Украина могла бы сделать то же самое. Ленинград успел уже наладить производство эресов. Это очень эффективное оружие типа миномета, которое буквально крошит врага. Почему бы и вам не заняться этим делом?

Кирпонос и Хрущев передали:

— Товарищ Сталин, все ваши указания будут нами проводиться в жизнь. К сожалению, мы не знакомы с устройством эресов. Просим вашего приказа выслать нам один образец эреса с чертежами, и мы организуем у себя производство.

Последовал ответ:

— Чертежи есть у ваших людей, и образцы имеются давно. Но виновата ваша невнимательность к этому серьезному делу. Хорошо, я вышлю вам батарею эресов, чертежи и инструкторов по производству... Всего хорошего, желаю успеха».

Вопросы подготовительных мер в предвоенный период и организации обороны в начальный период войны были в компетенции Хрущева, то есть у него были необходимые полномочия для решения указанных вопросов.

Вообще, излюбленный полемический прием современных антикоммунистов — вооружив-

шись «послезнанием», критиковать мероприятия советской власти. А ведь, на самом деле, никакого знания, что германские войска нападут 22 июня, еще 21 июня не было. Было понимание того, что война неизбежна, и были многочисленные и противоречивые агентурные данные о дате нападения. Как, впрочем, были те же агентурные данные в пользу того, что сосредоточение войск на границе СССР – это блеф перед высадкой в Великобритании. В рамки данной статьи не входит исследование данного вопроса. Однако научные труды по данной проблеме общедоступны⁷.

Хрущев в своем докладе лишь подленько, по-шулерски подтасовывает факты. Из длинного перечня агентурных донесений он выбирает те, в которых была информация о нападении 22 июня, и размахивает ими, обвиняя Сталина в духе «ему говорили, а он не верил».

Но на этом Хрущев не останавливается. Он из кожи лезет вон чтоб «доказать», что и на посту Верховного главнокомандующего у Сталина никаких заслуг не было. «Аргументы» для этого им используются снова откровенно лживые. Вот пример:

«Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

- То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте».

Врёт, что называется, «как Троцкий». При чем врёт сознательно. Как у руководителя государства у него была возможность доступа в архив для ознакомления с тетрадью записи лиц, принятых Сталиным, и убедиться, каков был поток посетителей в эти дни. Сейчас эта тетрадь есть в открытом доступе⁸.

А вот еще «аргумент», в очередной раз свидетельствующий о научно-теоретической безграмотности Хрущева:

«Сталин был очень далек от по-

нимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта».

Очевидный бред. То есть, по его логике, получается, что для того, чтобы понять положение на фронтах, Верховному главнокомандующему нужно «побывать на участке фронта», так скажем, все своими глазами увидеть и «пощупать». Иные способы понимания Хрущев, видимо, не признает. Прямо как заправский позитивист. Что ж он здесь про Ленина-то не вспоминает? Ведь он многие годы успешно руководил партией вообще из эмиграции, а во время Гражданской войны тоже не был ни на одном участке фронта. И, наоборот, Хрущевская практика «разъездов по местам» в его бытность Генеральным секретарем не привела ни к чему хорошему. Административная система, в которой ничего не решается без непосредственного участия первого лица, - гнилая, что называется, по определению.

В качестве «доказательства» «бездарности» Сталина как военачальника Хрущев приводит в пример «Харьковскую операцию» 1942 года.

«Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова...

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный „ге-ний“ Сталина, вот чего он нам стоил».

Точно такая же ложь, как и все остальные «аргументы». Во-первых, никаких доказательств вины Сталина снова нет. Хрущев просит подтвердить свои слова Баграмяна, того самого, который был начальником штаба Юго-западного фронта, проводившего неудачную кампанию. Примечательно, что Сталин возложил вину за провал операции именно на него, Тимошенко и Хрущева в директивной записке

7. Советская разведка и проблема внезапного нападения (www.militera.lib.ru/research/meltyukhov/08.html).

8. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.) (<http://militera.lib.ru/docs/da/naprieme/index.html>).

от 26 июня 1942 года⁹. Это вполне логично, поскольку разрабатывал план операции отнюдь не Сталин. Этим занималось руководство фронта, то есть Тимошенко, Хрущев и Баграмян. Следовательно, непосредственную ответственность именно они и должны нести за провал. Современные исследования Харьковской операции тоже подтверждают правильность выводов Сталина. Операция не была изначально провальной или плохо спланированной. Наоборот, она в определенный момент была очень близка к успеху, а к поражению привели именно неправильные действия фронтового командования¹⁰.

На этом, как мне кажется, можно закончить цитирование хрущевского доклада. Его лживая сущность вполне очевидна, доказана и, в общем-то, не оспаривается даже большинством буржуазных исследователей. Все хрущевские обвинения против Сталина являются необоснованными. Автор доклада при анализе сталинского периода начисто проигнорирован марксистский диалектический метод, «факты» выдернуты из исторического контекста острейшей фазы классовой борьбы или же просто искажены.

Следует лишь еще раз подчеркнуть ту негативную роль, которую сыграл данный доклад в деле коммунистического строительства. Тут господа антикоммунисты правы. Ущерб был огромен.

Во-первых, мировое коммунистическое движение столкнулось с серьезным вызовом, который заключался в том, что стало очевидно: во главе компартии, организовывавшей и направлявшей мировое коммунистическое движение, оказался абсолютно безграмотный в научно-теоретическом плане деятель, способный лгать на весь мир, поливать грязью одного из наиболее авторитетных марксистов, успешно

руководившего коммунистическим строительством в СССР. Причем у власти он оказался вполне в соответствии с принципами демократического централизма. К сожалению, разглядеть смертоносную для коммунизма силу данного принципа мировое коммунистическое движение оказалось неспособно. Он способствовал постепенной победе оппортунистов и в других странах соцлагеря.

Во-вторых, огромную услугу оказал Хрущев классовому врагу. Буржуазная пресса всех стран радостно тиражировала речь, в которой «коммунист» Хрущев попытался дискредитировать Сталина при помощи лжи. Буржуазии было на руку и то, что эта критика исходит от первого лица СССР, и то, что это первое лицо лжет. И то, и другое, работало против коммунизма. Внутри СССР классовые враги увидели в хрущевском докладе сигнал к действию. Дескать, теперь можно не просто критиковать Сталина, но делать это в стиле Хрущева, то есть врать, не считаться с объективными условиями, вызывать к эмоциям по поводу тысяч, якобы, «невинно убиенных». А попутно, но все же осторожно, лягать коммунизм как таковой.

Наконец, в-третьих, ни в КПСС, ни в мировом коммунистическом движении, к сожалению, не нашлось сил для решительного разгрома хрущевского оппортунизма. А это свидетельствовало о научно-теоретической слабости коммунистического движения. Что тоже, безусловно, не могло не радовать буржуазию.

Если коммунизм, в наиболее глобальном понимании, - это наука, то оппортунизм суть глупость. Хрущевский доклад ознаменовал тактическую победу глупости над наукой, что самым печальным образом отразилось на судьбе первой попытке построения коммунизма в истории человечества.

Продолжение следует...

Январь-февраль 2016

9. Сталин И.В. Директивное письмо Военному Совету Юго-Западного фронта 26 июня 1942 года (http://grachev62.narod.ru/stalin/t18/t18_136.htm).

10. «Считать операцию внутренним делом направления...» (http://militera.lib.ru/h/isaev_av4/13.html).

ИСТОРИЯ

ЧИТАЯ ЛЕНИНА. НАУЧНЫЙ ЦЕНТРАЛИЗМ В ПАРТИЙНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛЬШЕВИКОВ

Владислав ГОДЯЕВ

В последнее время между сторонниками демократического централизма (ДЦ) и научного централизма (НЦ) не утихают споры о формах и методах партийного строительства будущей коммунистической партии. Сразу оговариваем и акцентируем внимание читателя, что в статье речь пойдёт именно о партийном организационном принципе демократического централизма, а не о принципе организационного строения социалистического государства, которое имеет такое же название.

Для того, кто не в курсе дискуссий, объясняем, что научный централизм - это организационный партийный принцип, который предполагает исключение компромиссов в идеологии коммунистической партии и, соответственно, максимально жёсткий контроль за качеством партийных кадров. Вот такая постановка вопроса и вызвала ожесточенное сопротивление в российской левой среде.

Суть этого идейного конфликта заключается в том, что одна часть огромного по численности лагеря современных левых по сути выступает за ведущую роль демократического начала в партии. Они утверждают, что главное в принципе демократического централизма это демократизм, что справедливо позволяет партийному большинству диктовать свою волю меньшинству. По своему содержанию их аргументация опирается на демократическую иллюзию «большинство всегда право» и рабочефильскую иллюзию «рабочий класс не может ошибаться».

Другая часть левых, в частности организованная вокруг журнала «Прорыв» и «Газеты коммунистической», выступает за как можно большую централизацию будущей партии нового типа (Партии научного централизма), где бы централизм играл ведущую роль. Но централизм не абы какой или централизм вообще, а только центра-

лизм основанный на научном знании и методологии. Как показала история поражений коммунистических партий, большинство, даже партийное, не всегда может стоять на позициях объективной истины и, следовательно, может ошибаться.

Научные централисты говорят, что абсолютизация мнения большинства, - это основная философская ошибка демцентралистов (децистов). Известно, что решение, принятое большинством не гарантирует его правильности. Идеологическая позиция большинства не всегда отражает объективную истину. Но поскольку, фетиш «большинства» играет определяющую роль в сознании демцентралиста, то очень часто мнение большинства отождествляется с объективной истиной. При этом децисты лелеют и скрытую, мягкую фракционность, т.е. «права идеологического меньшинства» оставаться в партии при формальном подчинении большинству.

Сторонники демократического начала обвиняют сторонников НЦ в целом наборе «грехов», суть которых сводится якобы в отходе от марксизма-ленинизма: это «выпячивание» централизма, создание «теории элит», сектантство, отрыв от масс, узурпация объективной истины и т.д.

В ответ научные централисты указывают оппонентам на их теоретическую невежественность в марксизме, на непризнание ими объективной истины, ее познаваемости и, как следствие, неспособности встать на позицию научного единомыслия, что является серьезным препятствием для организации будущей коммунистической партии без расколов и поражений.

Такова краткая расстановка сил и идей в левом движении по поводу организационной строительства. Для того, чтобы разобраться в этом теоретическом споре, кто на самом деле искажает марксизм-ленинизм, стоит сверить позицию дис-

куссантов с ленинской позицией партийного строительства. За основу позиции Ленина возьмем его работу «Письмо товарищу о наших организационных задачах» 1902 г., представляющего собой первый набросок ленинского организационного плана в деталях. Эта линия партийного строительства была реализована в партии большевиков. Именно тогда начался процесс размежевания с той частью партии, которую в последующем прозвали меньшевиками.

Это было время, когда кустарщина, дилетантизм, кружковщина, экономизм, демократизм, преклонение перед стихийностью, идейно-теоретический разброд были настоящими бичами в социал-демократическом движении начала XX века. Значительная часть местных комитетов ничего не хотела знать кроме своей местной мелко-практической работы, не понимала вреда отсутствия организационного и идейного единства партии, привыкла к раздробленности и, по сути, считала, что можно обойтись без единой централизованной партии. Как видим, отсутствие в социал-демократии того времени научного единomyслия было порядком вещей. С этими пороками классик боролся изо всех сил и писал о «жгучем стыде» который он испытывал: *«Мы своим кустарничеством уронили престиж революционеров на Руси»*.¹

Например, противники большевиков - меньшевики и бундовцы, выступали за более демократический характер построения партии, за автономию партийных комитетов, за создание партии на принципах федерации, настаивали на применении широкого выборного начала. Надо добавить, что требования оппонентов о демократическом характере партии были нормой у мировых партий социал-демократии того времени.

В уставе Германской социал-демократической партии пункт о членстве гласил: *«Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил»*. В уставе Итальянской социалистической партии было записано, что *«членом партии считается всякий, разделяющий ее принципы и содействующий ее своими силами»*. Эти партии даже не требовали от своих членов работы под своим контролем.

В уставах партий II Интернационала отсутствовало требование централизма и строгой дисциплины. Австрийская социал-демократическая партия была федерацией из шести самостоятельных национальных партий. Французская социалистическая партия являлась федерацией департаментских организаций, для которых решения вы-

сходящего федеративного органа были не обязательными².

Как видим, не централизованная, размытая, анархоподобная и фактически расколотая по фракциям партия была идеалом для тогдашнего социал-демократического движения, и лидеры II Интернационала настолько отрицали научное единomyслие, что не случайно заняли позицию меньшевиков в конфликте с большевиками по организационным вопросам партийного строительства. Тезис, что «большинство всегда право», а меньшинство может и не подчиняться ему, тогда господствовал в идеологии социал-демократии. Партийная структура старой социал-демократии отражала тот факт, что рабочие партии того времени, как правило, образовывались путем компромисса марксистов с немарксистскими социалистами.

Заслуга Ленина в том и состояла, что он идейно разгромил принципы партийного строительства старых социал-демократических партий образца II Интернационала и, вопреки всему, создал партию нового типа. Именно тут произошел исторический прорыв в вопросе партстроительства и дальнейшего исторического движения к коммунизму.

Теперь проследим за ходом движения мысли классика в его статье и применим их к реалиям современного времени.

Начнем с того, что Ленин, отвечая товарищу, буквально с первых строк выделяет три организационных недостатка социал-демократического движения того времени. Приведем цитату, чтобы не было обвинений в ее искажении:

«Прежде всего, отмечу полную свою солидарность с вашим объяснением непригодности прежней («союзной»), как вы ее называете) организации «Союза». Вы указываете на отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания у передовых рабочих, на так называемую выборную систему, так гордо и упорно защищаемую рабочедельцами из-за «демократических» принципов, на отчужденность рабочих от активной деятельности».

*Именно так: 1) отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания (не только у рабочих, но и у интеллигентов), 2) неуместное и неумеренное применение выборного начала и 3) отчужденность рабочих от активной революционной деятельности, - в этом, действительно, заключается главный недостаток не только С.-Петербургской, но и многих других местных организаций нашей партии.»*³

1. Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч., том 6. С. 125.

2. Багликов В. О произведении В.И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», 1953г. С. 22.

То есть Ленин констатирует тогдашнее положение вещей: кадровый состав революционеров был идейно-теоретически очень слаб, эти революционеры злоупотребляли демократическим началом, а пролетариат не был активен в революционной деятельности. Очевидно, что все три недостатка были связаны между собой.

Примечательно, что если сравнить это с нынешним положением дел в левом движении современной России, и не только России, а всего мира, то аналогия тут прослеживается:

1. идейно-теоретическое качество кадров у левых оставляет желать лучшего, а отсутствие качественных кадров означает отсутствие «качественной» коммунистической организации построенной на научных основах;

2. левые игнорируют научное единомыслие в общественных вопросах, всячески упражняются в демократизме, создавая бесчисленное количество организаций с противоречащими друг другу программами и лозунгами;

3. массы закономерно «запутались» и не реагируют на «р-революционные» призывы левых, ибо созданная ими тьма организаций не может предложить мощную пропаганду, основанную на единой научной программе коммунистического строительства.

Установив в «Письме товарищу» «диагноз» болезни социал-демократического движения начала 20-го века, классик «выписывает рецепт» борьбы с этими пороками:

1. централизация партии;
2. децентрализация ответственности и осведомленности о партии;
3. идейное единомыслие партийцев;
4. конспирация деятельности;
5. кооптация руководящих органов в условиях подполья.

Поскольку объем статьи выходит большой, затронем тут вопросы о централизации, децентрализации ответственности партии и научном единомыслии партийцев, как о самых актуальных вопросах современного партстроительства.

ЦЕНТРАЛИЗМ, КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ СТЕРЖЕНЬ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Что говорит Ленин по вопросу централизации партии и децентрализации ответственности:

«Мы подошли тут к весьма важному принципу всей партийной организации и партийной деятельности: если в отношении идейного и практического руководства движением и революционной борьбой пролетариата нужна, возможно, большая централизация, то в отношении осведомленности о движении центра партии (а, следовательно, и всей партии вообще), в отношении ответственности перед партией нужна возможно большая децентрализация»⁴.

Далее он еще раз повторяет свой довод и уточняет его:

«Мы должны централизовать руководство движением. Мы должны также (и должны для этого, ибо без осведомленности невозможна централизация) децентрализовать возможно более ответственность перед партией каждого отдельного ее члена, каждого участника работы, каждого входящего в партию или примыкающего к ней кружка. Эта децентрализация является необходимым условием революционной централизации и необходимым коррективом ее. Именно, когда централизация будет доведена до конца и у нас будут ЦО и ЦК [Центральный Орган и Центральный Комитет - В.Г.], тогда возможность обращения к ним со стороны каждой мельчайшей группы, - и не только возможность обращения, а также выработанная долготейшей практикой регулярность обращения к ЦО и ЦК - устраним возможность печальных результатов случайной неудачи состава того или иного местного комитета.

Теперь, когда мы подходим вплотную к фактическому объединению партии и созданию настоящего руководящего центра, мы должны особенно твердо помнить, что этот центр будет бессилён, если в то же время мы не проведем максимальной децентрализации и в ответственности перед ним, и в осведомленности его о всех колесах и колесиках партийной машины. Такая децентрализация есть не что иное, как обратная сторона того разделения труда, которое по общему признанию составляет одну из самых насущных практических потребностей нашего движения.»⁵

3. Ленин В.И. Письмо товарищу о наших организационных задачах. Полн. собр. соч., том 7. С. 7.

4. Там же. С. 21.

5. Там же. С.21

То есть Ленин, на удивление современным децистам, выступает не за преобладание демократического начала в партии, он выступает, напротив, за максимально дисциплинированную централизованную партийную машину. Обратите внимание, он говорит: *«нужна возможно большая централизация»*, то есть, по возможности, с точки зрения Ленина, демократическое начало в вопросе руководства партией необходимо было свести к минимуму. И тем «скелетом», вокруг которого строится партия нового типа, является не демократизм, а централизм.

Децентрализация ответственности, по Ильичу, надо понимать, как то, что ответственность в партии несут не только центральные и руководящие органы, а все без исключения члены организации. Централизация партии и децентрализация ответственности - тут позиция Ленина предельно последовательна, ибо борясь с кружковщиной и автономизмом он тогда приводил демократизированное движение в централизованное.

О ВЕДУЩЕЙ РОЛИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Демцентралисты выдвигают обвинение представителям научного централизма, что те, дескать, хотят передать властные функции центру партии, оставив партийные массы без каких-либо полномочий. Однако Ленин, заочно беседуя с товарищем, полемизирует с ними:

«Было бы желательно поэтому, чтобы пункт первый устава (сообразно вашему проекту) указывал не только на то, какой орган партии признается руководящим (это необходимое, конечно, указание), но также и на то, что данная местная организация ставит своей задачей активно работать над созданием, поддержкой и упрочением тех центральных учреждений, без которых наша партия не может существовать как партия»⁶

О ведущей роли центральных органов в партийной жизни он дополняет:

«Когда у нас будет ЦО и ЦК - новые комитеты должны образовываться не иначе, как при их участии и с их согласия. Число членов комитета должно быть по возможности не очень велико (чтобы уровень этих членов был выше и их специализация в революционной профессии полнее), но в то

же время достаточное для заведения всеми сторонами дела и обеспечения полноты совещаний и твердости решений»⁷.

«Непосредственным же практическим руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть Центральным Комитетом), сносящаяся лично со всеми комитетами, включающая в себя все лучшие революционные силы всех русских социал-демократов и распоряжающаяся всеми общепартийными делами, как-то: распределение литературы, издание листов, распределение сил, назначение лиц и групп для заведования особыми предприятиями, подготовка общерусских демонстраций и восстания и т. д.»⁸.

Таким образом, с точки зрения Ленина, партийные массы обязаны были работать над усилением центральных органов и подчиняться им. Это тоже понятно, ибо в условиях, когда еще центральные органы не были окончательно сформированы и были слабы, необходимо было направить все силы на гегемонию «мозга» партии. Центральный комитет, по задумке Ленина, это лучшая, качественная часть партии и идейно-теоретическая подготовка его членов должна была быть на самом высоком уровне, что логично.

Безусловно, по мнению классика, не всякий центральный орган должен обладать ведущей ролью, а только такой орган, который способен правильно отражать объективную реальность. Например, II Интернационал формально был центральным органом для большевиков, но в виду того, что этот орган, так и не смог встать на последовательную научную позицию в обществоведческих вопросах, его верховенство для большевиков стало не актуальным.

Такая постановка вопроса, где качественная часть партии должна иметь максимум возможности влияния на политику всей организации, не случайна. Здесь следует обратить внимание, на то, как на поворотных моментах истории партии, Ленин и его ближайшее окружение были противопоставлены партийному большинству. Это хорошие примеры, как централизм, основанный на научном знании, каждый раз, идейно победив большинство, вставал в авангарде этого большинства.

1. Достаточно вспомнить борьбу Ленина с махизмом, где он практически был один, отстаивая последовательный научный взгляд на основной вопрос философии в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм». А ведь ситуация тог-

6. Там же. С.9.

7. Там же. С.10.

8. Там же. С. 8.

да была действительно катастрофической - деятели II Интернационала утверждали, что рабочий класс может руководствоваться одновременно как идеалистической так и материалистической философией. В то время, партийное большинство еще прочно стояло на идеалистических позициях, не говоря об околопартийных массах. Тогда классик, действительно проведя титаническую работу в философии, вышел победителем, разгромив в господствовавший в партии субъективный идеализм.

2. Или знаменитые «Апрельские тезисы», которые были встречены критикой в партии, даже со стороны большевиков. «И тезисы, и доклад мой, - признавал Ленин, - вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции „Правды“». Например, 14 (27) марта 1917г. газета «Правда» в «Воззвании к народам всего мира» встала на позиции «революционного оборончества», заявив, что *«пусть не рассчитывают Гогенцоллерны и Габсбурги поживиться за счёт русской революции. Наша революционная армия даст им такой отпор, о каком не могло быть и речи при господстве предательской шайки Николая Последнего»*. Против «разлагающего влияния» ленинских тезисов выступил Каменев со статьёй «Наши разногласия». Подчеркнув, что «Апрельские тезисы» выражают исключительно «личное мнение» Ленина, он заявлял: *«Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»*. И только потом, после многочисленных разъяснений и настойчивости Ленина тезисы были поддержаны партийным большинством. Именно успешное продавливание единственно верной научной позиции узким кругом партийцев через партийное большинство послужило проведению Октябрьской социалистической революции в России, не говоря уже о других победах.

3. Не менее примечательна была ситуация с Брестским миром. Ленин формулировал свою позицию по нему так: *«Для революционной войны нужна армия, а у нас армии нет ...Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, - мир похабный, но если начнётся война, то наше правительство будет сметено и мир будет заключён другим правительством»*. Первоначально, в ЦК большевиков соотношение сил складывалось не в пользу позиции Ленина. За ленинские тезисы о немедленном заключении сепаратного мира проголосовало лишь 15 участников совещания, 32 человека поддержали позицию «ле-

вых коммунистов» и 16 - позицию Троцкого. III Съезд Советов тоже занял антиленинскую позицию, хотя и не оформил это решением, делегировав полномочия в этом вопросе правительству. Вот, что пишет Филипп Прайс, британский журналист о докладе Троцкого: *«Главную речь вечера, произнес Троцкий, чей доклад... слушали с восторженным вниманием. С него не сводили глаз, ибо он достиг зенита своей силы... Человек, воплощавший в себе революционную волю России, обращался к миру вовне... Когда Троцкий закончил свою речь, огромное сонмище русских рабочих, солдат и крестьян поднялось и... торжественно запело „Интернационал“*. Это был столь же стихийный порыв, сколь и волнующий для тех, кто, как автор, был его очевидцем». Как видим, единственно верный ленинский вариант решения военной проблемы не принимался большинством, как в партии, так и в Советах. И не продави Ленин и его соратники свою позицию сквозь невежество большинства, судьба страны была бы иной.

ОБ ОПАСНОСТИ РАЗМЫТИИ ПАРТИИ МАССАМИ

Касательно местного партийного уровня, мысль классика о централизации так же прослеживается:

«Совещания по всем партийным вопросам, конечно, будут происходить и в районных кружках, но решать все общие вопросы местного движения должен только комитет. Самостоятельность районной группы следовало бы допустить лишь в вопросах о технике передачи и распространения. Состав районной группы должен определяться комитетом, т. е. комитет назначает одного-двух своих членов (или даже и не членов) в делегаты по такому-то району и поручает этим делегатам составить районную группу, все члены которой опять-таки комитетом утверждаются, так сказать, в должностности. Районная группа - филиальное отделение комитета, только от него заимствующее свои полномочия»⁹.

Очевидно, что Ленин, говоря о полномочиях местного комитета, понимал, что в условиях начала партийного строительства, нельзя отдавать право принятия решений на самый низкий уровень, ибо всегда есть опасность размытия партийных рядов невежественными в марксизме кадрами и, как следствие, принятие ими неверных ре-

шений. Но как показала практика поражений коммунистических партий XX века, такая угроза оказалась реальностью не только в условиях подполья, но и в период нахождения партии у власти, мало того, сыграла решающую роль в поражении социализма во всем мире.

На вопросе размытия партийных кадров массами следует остановиться подробнее, ибо это ключевой момент причин поражения социализма. Если проследить историю взаимоотношения партии с массами, где возникала опасность ликвидации марксистской линии в партии, то можно выделить три основных эпизода:

1. Первый эпизод - это дореволюционный период, начало XX века, после идейной победы марксизма над народничеством. Тогда марксизм стал модой и в марксистские организации хлынули целые массы революционной молодежи из интеллигенции. Как правило, эта молодежь была слаба в теории, имела смутное представление о марксизме, почерпнутое из оппортунистических писаний «легальных марксистов». Естественно, это обстоятельство сильно снизило уровень марксистских организаций, усилило идейный разброд, политические шатания и организационную неразбериху, описанную выше. Меньшевики тогда выступали за широкое привлечение новых сил в партию, что превращало партию в «рабочий съезд», который по существу растворил бы партию в беспартийной массе. Эти недостатки, в основном, были ликвидированы идейно-теоретической борьбой Ленина и его соратников, обсуждаемой нами работой «Письмо товарищу» и другими работами «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад».

А вот в период революции 1905г. Лениным был, наоборот, брошен в массы лозунг о демократизации партии в его статье «О реорганизации партии». Казалось бы, классик противоречит себе. Но Ленин опасался, что поднявшиеся на волне ре-

волюции огромные рабочие массы останутся не в русле большевистской политики, и, следовательно, поведут антикоммунистическую деятельность, предположим, возглавленные зубатовскими организациями или очередными «поп гапонами». Это обстоятельство диктовало совершение уступки, компромисса в сторону демократизации партии, в ущерб централизации. Вот как он обосновывает свою позицию: *«Если мы не воспользуемся моментом, мы упустим его - в том смысле, что потребность в организации, ощущаемая рабочими крайне остро, выльется в уродливые, опасные формы, усилит каких-нибудь «независимцев»»*¹⁰.

Дальше он высказывает надежду, что пришедшие рабочие массы не размоют партию, и марксистская линия в партии все же сохранится. Как показали результаты революции 1905 г. эта надежда на скорую победу над царизмом оказалась иллюзорна. Но размытие партии оппортунизмом все же произошло. В «дни свободы» меньшевики и большевики набрали большие массы интеллигенции и рабочих, не имеющих отношение к последовательному марксизму, да так, что в 1906 г. на, так называемом, «объединительном» съезде РСДРП в Стокгольме (Швеция) большевики оказались в меньшинстве. Борьба с оппортунизмом в партии продолжилась с новой силой. Большевики, как видим, действительно использовали демократический централизм, но никогда не делали из него принцип «на все времена».

2. Второй эпизод, это период после победы в гражданской войне. В августе 1917 г. численность РКП(б) составляла 220 тыс. чел.¹¹ После смерти Ленина в 1924 г. был проведен массовый прием в партию рабочих («ленинский призыв»).

Если в 1923 г. партия насчитывала 386 тыс. чел., в 1924 г. 735 тыс. чел., в 1927 году 1236 тыс. чел., в 1930 году 1971 тыс. чел., в 1934 - 2809 тыс. чел. На опасность размытия партии указал Сталин в Организационном отчете Центрального Комитета XIII съезду РКП(б) 1924 г.: *«Плохо обстоит дело с политграмотностью членов партии (60% политнеграмотности). Ленинский призыв увеличивает процент неграмотности. Нужна систематическая работа по ликвидации этого недочета»*¹².

Для того, чтобы понять логику того времени, полезно будет ознакомиться со стенограммами съездов партии. Так, Бухарин, докладывая XIII съезду партии РКП(б) сообщил интересные данные:

«Вы знаете, какой процент общего числа комсомольцев политически неграмотных? Вы думаете 30-35%? Нет, их 66,6.

10. Ленин В.И. О реорганизации партии. Полн. собр. соч., том 12. С.83.

11. Протоколы девятого съезда РКП(б). Партийное издательство Москва. 1939г. С.546.

12. И. В.Сталин. Сочинения. Том 6.

66,6% наших комсомольцев политически безграмотны. Мы пробовали нащупать, почему же идут в комсомол. Очень многие идут потому, что их туда гонит молодой энтузиазм; очень многие туда идут из-за того, что комсомолец будет скорее иметь место и будет скорее забронирован; очень многие идут туда потому, что здесь перед ними открывается целый ряд добавочных развлечений и т. д. Но над тем, что среди них так много неграмотных, партии надо немножко подумать. Если обратиться к относительно грамотным, т. е. к комсомольскому активу, то и здесь обнаруживается далеко не блестящая картина. Комсомольские активисты поголовно отмечают, что они совершенно ничего не читали, потому что им некогда, потому что они целиком заняты организационной работой, потому что они настолько ушли в эту организационную работу и в руководство своей организацией, где они не уступают партийцам, что для учебы времени не остается»¹³.

Бухарин здесь говорит, что значительная часть комсомольцев пошла в комсомол из-за прозаичных шкурных интересов, «устроиться в жизни», а не самоотверженно посвятить себя строительству нового общества, и даже актив РКСМ «поголовно» не занимается марксистским самообразованием. Ненаучное мировоззрение большинства партийцев, естественно, повлияло на дух групповщины в партии 20-30 гг.

Причину такого состояния партии и комсомола, хорошо раскрыл Сталин в полемике с Троцким на XIII Конференции РКП(б) 1924г.:

«Троцкий утверждает, что группировки возникают благодаря бюрократическому режиму Центрального Комитета, что если бы у нас не было бюрократического режима, не было бы и группировок. Это немарксистский подход, товарищи. Группировки у нас возникают и будут возникать потому, что мы имеем в стране наличие самых разнообразных форм хозяйства - от зародышевых форм социализма до средневековья. Это во-первых. Затем мы имеем нэп, т.е. допустили капитализм, возрождение частного капитала и возрождение соответствующих идей, которые проникают в партию. Это во-вторых. И, в-третьих, потому,

что партия у нас трехсоставная: есть рабочие, есть крестьяне, есть интеллигенты в партии. Вот причины, если подойти к вопросу марксистски, причины, вытягивающие из партии известные элементы для создания группировок, которые мы должны иногда хирургическими мерами обрезать, а иногда в порядке дискуссии рассасывать идейным путем»¹⁴.

Сталин тут говорит, что фракционизм, групповщина в партии это не результат ее централизации (троцкисты и анархисты называют бюрократизмом любые попытки централизации). Он говорит, что групповщина есть результат влияния невежественных в общественном знании масс, которые свое невежество «черпают» из условий жизнедеятельности. Это влияние масс еще не освоивших марксизм как науку, в том объеме, которое бы гарантировало в партии научное единомыслие в общественных вопросах. Именно этим и объясняется пресловутый «37 год», когда в предельно острых, предвоенных условиях, пришлось «хирургическими мерами обрезать» ту часть оппортунистического крыла партии, которое категорически не воспринимало примата науки, конкретность, единство и познаваемость объективной истины. При этом «оппозиция», идеологически как раз демократически разнообразная, в едином порыве вступила на путь терроризма и заговора против ненавистой генеральной линии сталинского большинства в ЦК. Несмотря на то что, в многолетних партийных дискуссиях эта часть партии была идейно разгромлена в пух и прах. Кто сомневается в последнем, тот может ознакомиться со стенограммами съездов партии.

3. Третий эпизод размытия кадров партии связан с Великой Отечественной войной и послевоенным наполнением партии кадрами в эпоху Хрущева. В годы войны на фронтах погибло около 3 миллионов коммунистов, при этом, число членов партии возросло на 2 миллиона - с 3,8 до 5,8 миллионов человек. В первые месяцы войны Центральный Комитет ВКП(б) принял несколько постановлений, направленных на обеспечение роста армейских партийных организаций за счет отличившихся в боях военнослужащих. В 1942 - 1944 гг. партийные организации армии и флота в среднем принимали ежемесячно кандидатами в члены партии 100 тыс. чел., то есть в четыре раза больше, чем территориальные организации. Всего с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1945 г. кандидатами партии стали 3788 тыс. чел., членами партии - 2376 тыс. чел. За войну парторганизации армии увеличились

13. Стенографический отчет. Тринадцатый съезд РКП(б). Москва. 1963г.С.520.

14. И.В. Сталин. Сочинения. Том 6.

в пять раз, а флота - почти в три раза¹⁵. То есть, в прием в партию, в период войны, осуществлялся не по убеждениям, подкрепленными знаниями и умениями, а за проявленное войсковое мужество и искреннее желание. Естественно, можно быть признанным героем, но в то же время, стоять на оппортунистических позициях. Как оценить это, в свете сегодняшнего дня? Очевидно, что тактически в этом была необходимость, это был очередной компромисс партийного централизма с демократизмом, ибо прием в партию отличившихся в боях, организационно укрепили боевые подразделения. Но стратегически, эта уступка не была исправлена в будущем, в мирное время, необходимой чисткой.

При Хрущеве, и в последующем, эта неверная кадровая политика, с точки зрения коммунистического партстроительства, продолжилась, но принимать в партию стали лиц, как правило, отличившихся в народном хозяйстве. По своему социальному составу на 1 января 1973 года 40,7 % членов КПСС являлись заводскими рабочими 14,7 % - колхозниками¹⁶. При наборе новых членов партия старалась выдержать квоту, сохраняя в своих рядах определённый процент рядовых колхозников и заводских рабочих. То есть, партия, преимущественно, комплектовалась не из принципа знаний партийцем марксизм-ленинизма, не исходя из последовательного понимания им законов развития общества, его зрелого научного мировоззрения и наличия необходимых умений, а исходя из его социального положения, что в корне противоречит идее построения коммунизма - планового общества, построенного на научных основах.

О НАУЧНОМ ЕДИНОМЫСЛИИ В ПАРТИЙНЫХ РЯДАХ

Далее, научных централистов упрекают в том, что, дескать, централизация партии обязательно приведет к поражению организации, ибо без демократического контроля низов, верхи обязательно вырождаются и в подтверждение приводят примеры с Хрущевым, Горбачевым, Ельциным.

Что же классик говорит по этому поводу:

«Это замечание относится к тому

возможному и обычному возражению, что строгая централизация слишком легко может погубить дело, если случайно в центре окажется наделенное громадной властью неспособное лицо. Это возможно, конечно, но средством против этого не может быть выборность и децентрализация, абсолютно недопустимая в сколько-нибудь широких размерах и даже прямо вредная в революционной работе при самодержавии. Средства против этого не дает никакой устав, его могут дать лишь меры «товарищеского воздействия», начиная с резолюций всех и всяческих подгрупп, продолжая обращением их к ЦО и ЦК и кончая (в худшем случае) свержением совершенно неспособной власти»¹⁷.

Ленин в этой цитате так и говорит, что выборность - не панацея. Он прекрасно понимает, что при отсутствии должной научной подготовки, невежественное партийное большинство запросто может выбрать в центральные органы антикоммуниста. Например, потому что он блестящий оратор, скажем как Троцкий. И современная практика левых движений и партий с коммунистическими названиями с завидной регулярностью это подтверждает.

«Свержение» антинаучной «власти» в партии, если исходить из всей мировоззренческой позиции Ильича, возможно, только если низовые кадры сами достаточным образом подготовлены в обществоведческих вопросах. Иное невозможно, ибо невежественное большинство, неспособно будет критично осмыслить ненаучность главарей и последовательно осуществить задуманное. И здесь, стоит вопрос о научно-системном обязательном образовании, о подъеме всеобщей компетенции, а не о «голом отборе», как хотят представить дело наши идейные противники. Таким образом, мифы децистов о некоей буржуазной элитарности, вождизме, исключительности научного централизма не имеют никакой основы.

Средством от вырождения руководства партии Ленин видит в «товарищеском воздействии». Но что такое товарищество? Товарищество - это общность, основанная на близости взглядов, скрепленная единой практикой. Применительно к коммунистической партии эта бли-

15. История Коммунистической партии Советского Союза, т. 5, кн. 1, стр. 378.

16. Большая советская энциклопедия. См. «Коммунистическая партия Советского Союза».

17. Ленин В.И. Письмо товарищу о наших организационных задачах. Полн. собр. соч., том 7. С. 14.

зость может быть основана только на единстве научных взглядов в общественных вопросах. Там, где объективная истина известна и последовательно признаваема, нет места групповщине, фракционности, конкуренции и подсиживанию, там именно и царит товарищество. Примат науки, научное единомыслие, признание объективной истины, ее конкретности, ее единства, познаваемости уже делает коммунистическое товарищество сплоченным партийным организмом, максимально, насколько возможно, защищенным от ошибок в принятии решений. В такой атмосфере господства научного знания, «пробраться» оппортунисту в руководство организации уже является непростой задачей, ибо претенденту на руководящую должность придется доказать не только наличие знаний марксизма, но и последовательность понимания марксизма перед товарищами, как в теоретической, так и иных формах практики.

Вот в этом смысле Ленин и понимал тезис о товариществе как о партийно-научном товариществе, и никак иначе, ибо действительно крепкое и последовательное коммунистическое товарищество может возникнуть только вокруг научной истины. Только научное мировоззрение дает предпосылку для действительного объединения индивидов в победоносную партию.

Поэтому довод о том, что к руководству коммунистической партии, где организационным принципом будет являться принцип научного централизма, обязательно придут хрущевы, брежневые, горбачевы, ельцины несостоятелен, поскольку сам организационный принцип направлен на отсекаание обществоведческого невежества в партийных рядах, тем более, что все выше перечисленные пришли к власти на демцентралистских условиях. Но, в то же время, следует понимать, что научный централизм - это не волшебная панацея, а панацея диалектико-материалистическая, это принципиальное повышение шансов партии на то, чтобы пройти этап борьбы во враждебном окружении, не переродившись.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ:

1. Изначально, партийным принципом большевиков был централизм. Причем, централизм противопоставлялся и вел борьбу с господствующим тогда демократизмом в социал-демократии. Демократизм большевиками использовался как необходимая уступка в той или иной острой политической ситуации. Демократизм не являлся строжайшим организационным принципом.

2. Принцип демократического централизма - компромиссная форма организационного устройства партии, для тех конкретных исторических условий. Только VIII всероссийская конференция РКП(б) (1919) признала демократический централизм *«руководящим принципом организационного строения партии»*. Этот принцип, в конечном итоге, показал свою неэффективность, ибо все коммунистические партии XX в. основанные на принципе демцентрализма потерпели поражения.

3. Перерождение коммунистических партии произошло в результате размытия партийных марксистских кадров, массами, в основе которых лежала мещанская потребительская психология, которая несовместима с научным мировоззрением.

4. Крепкая связь партии и масс, возможна только при постоянном притоке кадров, но кадров не абы каких, не мещанских, а кадров, последовательно владеющих марксизмом-ленинизмом. Пополнение партии кадрами с ненаучным мировоззрением и мелко-буржуазной психологией, наоборот, разрушает связь с массами и делает партию фикцией. Поэтому, чтобы одновременно пополнять партию и не снижать ее теоретического качества, необходим новый организационный принцип.

5. Принцип научного централизма - это модернизированный принцип ленинского партийного централизма, усиленный приматом науки, доведенный до своего логического конца, с учетом опыта поражений коммунистического движения XX в.

Ноябрь 2015

ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ БЫТИЯ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОЗНАНИИ

О критике принципа научного централизма с позиции недочитанной философии

Александр Лбов

1. Что не понял в диалектике очередной критик научного централизма

Как учил Ленин,

«кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность».

И, действительно, на каждом шагу мы видим, что, если человек не озаботился поиском верного решения самых общих вопросов, то он постоянно наступает на те же «грабли» оппортунизма, даже в решении вопросов относительно несложных.

Вот как, например, Владимир Антонов прокомментировал принцип научного централизма:

«Я пока только пытаюсь разобраться в марксизме, но возражения у меня есть. Я оставляю в стороне замечания относи-

тельно понимания термина «демократический централизм» и трактовки ленинской позиции в этом вопросе; также не буду касаться и потенциальных трудностей практической стороны реализации «научного централизма». Постараюсь коротко написать о главном. А главное я вижу в том, что идея «научного централизма» отрицает диалектику. Представление о том, что группа мудрецов (как вариант, король-философ) способна лучше всего понять окружающий мир и, соответственно, лучше всего принимать решения, основываясь на этом понимании - следствие разоблаченного еще Гегелем заблуждения о том, что мышление протекает исключительно в сознании. Такая логика, напомним, может лишь продуцировать непротиворечивые в себе системы аксиом и следствий.

Нет, мышление - это способ развития материи, мира, общества - любой системы в ее рамках. Самый умный и теоретически подкованный человек может лишь выявить противоречие и предложить снимающее его спекулятивное решение. При-

том сделает это настолько успешно, насколько верно выделит это противоречие из практики или из понятий - осознанного результата практики. А кто осуществляет всю практическую деятельность? Пролетариат и трудовая интеллигенция. Именно они сталкиваются с противоречиями, причем, пусть и в сыром виде обыденных представлений, но наиболее остро, точно и повсеместно. И поэтому их оценка степени снятия противоречия предложенным сверху решением является чрезвычайно важной и показательной. Отбрасывая важность обратной связи, важность контроля пролетариатом руководства, «научный централизм» парализует мышление общества как системы, т.к. не дает выразить скептицизм (вторая стадия мыслительного акта по Гегелю, она же антитезис) по отношению к тезису (основанному на представлении руководителей решению власти). Точнее, «парализовал бы»: мышление - процесс объективный, и текущее состояние системы - его производное. А потому противоречие будет рано или поздно разрешено, но уже в более общей форме, захватив в себя и власть с такими установками.

Другим свидетельством антидиалектичности вашей позиции является идея «научного единомыслия». Это оксюморон - еще Кант доказал, что познание по природе своей антиномично. Противоречия - примененное условие развития в диалектике; значит свободно от противоречий только то, что не развивается. Понятийная система, которая не развивается, не терпит критики и самокритики - по определению есть догматизм, а не наука.

В целом «научный централизм» выглядит как попытка обмануть степень развития мышления, выраженную в развитии общества. Надежда решить проблемы познания (а значит и управления) несколькими умами в обход научно выявленных законов развития - волюнтаризм и неверно, в духе культа личности, трактовка роли классиков в истории.»

а) Мышление и сознание

Легко убедиться, что каждая фраза, написанная Антоновым, содержит в себе всё необходимое для её опровержения. Но обратим внимание на главное. Свои воззрения Антонов выводит из своих же представлений о том, что мышление протекает где-то вне

сознания, в некоей «практике». Однако при этом он безнадежно запутался в теории познания, не поняв наиболее общие положения теории Гегеля. Ну, как можно забыть о том, что Гегель был объективным идеалистом, и для него мышление было всего лишь восхождением субъективного сознания к объективной истине, носителем которой является абсолютный дух, существующий вечно и априорно, даже, тогда, когда никакого иного сознания не существовало. Для объективного идеалиста дух существует без всяких сознаний и материй, материя есть эманация духа, а вовсе не наоборот. Поэтому познание для Гегеля - это срывание готового яблочка с дерева. Для материалиста же познание - это вылепливание в сознании копии яблока, по возможности как можно более тождественного оригиналу по форме и содержанию, и потому практика, с точки зрения теории познания - это и процесс сравнения оригинала с моделью и преобразование оригинала. Выстраивание новой модели, не имеющей аналога в объективной реальности, происходит, прежде всего, в сознании материалиста, и только потом реализуется в практику - в приведение объективного мира, созревшего для преобразования, в соответствие с теоретической моделью. Антонов явно смущает тот факт, что построение новой теоретической модели и практика, в подавляющем большинстве случаев, происходят практически одновременно, предшествование теории неявно и практика от теории практически неотделима и мышление каждого материалиста происходит именно в его, отдельно взятом, мозгу.

Надо сказать, что в своей неуверенности относительно того, где протекает мышление, Антонов несколько не оригинален. Если мы посмотрим содержание полемики Ленина с махистами в «Материализме и эмпириокритицизме», то мы увидим, что Ленин вслед за Энгельсом считает мышление, однозначно, функцией человеческого мозга. Он пишет против Авенариуса:

*«Отвлекая внимание читателя выпадами против идеализма, Авенариус на деле чуточку иными словами защищает тот же идеализм: мысль не есть функция мозга, мозг не есть орган мысли, ощущения не функция нервной системы, нет, ощущения, это - «элементы», в одной связи только психические, в другой же связи (хотя и «тождественные» элементы, но) физические».*¹

Сравнивая позицию Ленина против попыток «уравнивания» сознания с объективной реальностью в рамках «системы элементов», можно легко заметить, что Антонов стоит на той самой идеалистической позиции махистов, утверждая, что «мыш-

ление - это способ развития материи, мира, общества - любой системы в ее рамках.»

Однако мышление само по себе НИЧЕГО НЕ РАЗВИВАЕТ. Более, того, именно недialeктическое мышление и порождает заблуждение, обрекающее практику на тупики и трагедии. Общественное бытие развивает общественная практика, которая строится на основе мышления и которая, поэтому, за пределами основного вопроса философии, вторична. Стремление отождествить мышление с практикой вне зависимости, с какой стороны это отождествление абсолютизируется - практика ли однозначно объявляется мышлением или мышление однозначной практикой, есть в одинаковой степени идеализм, игнорирующий ОТРАЖЕНИЕ, представляющий мышление в качестве самостоятельного объекта материального мира. Надо видеть, что, делегируя мышление напрямую в объективную реальность, Антонов, равно как и его идеалистические предшественники, закладывает мину под понятие «практики».

Почему, в данном случае, замалчиваемый им вопрос об ОТРАЖЕНИИ столь важен? Почему Ленин на проблеме ОТРАЖЕНИЯ подробно останавливался? Потому, что вопрос о качестве отражения есть фактически вопрос о КАЧЕСТВЕ МЫШЛЕНИЯ. Придавать практике атрибуты мышления означает говорить о «неважно каком» мышлении и «неважно какой» практике.

Еще одним следствием из непонимания диалектики мышления и практики есть представление Антонова, что мышление в его теоретической форме не является практикой. С одной стороны, он переносит мышление в практику вплоть до полного отождествления, а с другой – категорически делит эти категории, отказывая мышлению в практичности. Если мы учтем, что мышление первично относительно практики, то из этого логично вытекает, что мышление само по себе является практикой, однако не наоборот. Сколько миллионов лет обезьяна ни лупит камнем по ореху, из этого мышления не возникает потому, что мышление – это ещё и форма социального взаимодействия, если не воспринимать, конечно, мир как одну сплошную «философскую робинзонаду». «Помыслил» – это, конечно, не значит, автоматически «сделал» как это понимают идеалисты, но мысль – это необходимая предпосылка для действия. Не помышленное никаких шансов конструктивно реализоваться не имеет. История богата примерами, когда общественная практика, не освещенным мышлением, приводила к трагическим последствиям. Это и ГКЧП в СССР в 1991 году, и Майдан на Украине в 2014 году, и «арабская весна». Есть, конечно, вульгарно-детерминистское представление, что объективные общественные законы двигают людьми безотносительно всякого их мышления, а, следовательно, практика существует объективно, а мышление при этом занимает сугубо под-

чиненное положение. Но такое представление вульгарно. Классики марксизма наоборот, полагали, что в процессе практики не может быть «нулевого мышления», мышление всегда предшествует практике. Мышление, конечно же, может неверно отражать объективные законы, но человеческая практика, основанная на неверном понимании этих законов, не может победить. Экономический детерминизм вовсе не означает предшествование абсолютно безмозглой практики в человеческом обществе. Ошибочной практике предшествуют ошибочные решения субъектов и потому история человечества, порой, выглядит как цепь массовых трагедий и масштабных катастроф.

Так что, напрасно Антонов не осмыслил собственное исходное общее утверждение: «Я пока только пытаюсь разобраться в марксизме», а, практически, взял «быка» диалектики «за рога», не подумав, что у «быка» диалектики есть огромная масса и динамика, не имея представления о которых, не проверив на практике свои диалектические познания, надеяться на то, что ты уже диалектик - катастрофично.

Стало ясно и то, что Антонов не понимает, что диалектика - это наука не о том, как должны вести спор между собой несколько человек уже, практически, заблудившихся в лесу, ни один из которых не имеет представления о том, куда идти, а наука о мышлении КАЖДОГО индивида, о законах тождества, противоположности и борьбы мысли в сознании КАЖДОГО индивида, постигающего конкретные истины, продирающегося через противоречия.

Б) Теория и практика

Антонов совершенно неслучайно превозносит «практику вообще», игнорируя ее качество:

«А кто осуществляет всю практическую деятельность? Пролетариат и трудовая интеллигенция. Именно они сталкиваются с противоречиями, причем, пусть и в сыром виде обыденных представлений, но наиболее остро, точно и повсеместно. И поэтому их оценка степени снятия противоречия предложенным сверху решением является чрезвычайно важной и показательной».

Проблема только в том, что качество мышления определяет качество практики (и не наоборот, в силу того фактора, что в сознании объективный мир именно отражается, а не входит в него непосредственно). Диалектика как раз в том и состоит, что единство теории и практики на самом деле не единство, а рассогласованность, которая порождает постоянное движение от теории к практике, их постоянное взаимодействие, что и позволяет о единстве говорить. Диалектическое единство противоположностей – это не совпадение противоположных элемен-

тов, не разрывание единого на части, это единство сцепившихся в борьбе. Систематическое общее запаздывание практики перед теорией – вот что порождает противоположность между теорией и практикой. Практика может отражаться в мышлении, но собственно теорий не рождает. Пролетариат и трудовая интеллигенция показывают уже много сотен лет нам УБОГУЮ, ЭКОНОМИСТСКУЮ, РАБСКУЮ, а вовсе не революционную практику, и из этой их практики не рождается никакой теории, так как качество их отражения – ошибочное. Антонов этого в упор не видит, и видеть в принципе не хочет, для этого ему и понадобилось издавна начинать песню о том, что мышление в сознании-де не протекает, а протекает в подъемном кране в процессе его практики.

В) Нечто об обратной связи в научном централизме

Антонов ключевой идеей против научного централизма выдвигает вперед тезис, что централизация противоречит **обратной** связи управляемых с управляющими:

«Пролетариат и трудовая интеллигенция. Именно они сталкиваются с противоречиями, причем, пусть и в сыром виде обыденных представлений, но наиболее остро, точно и повсеместно. И поэтому их оценка степени снятия противоречия предложенным сверху решением является чрезвычайно важной и показательной. Отбрасывая важность обратной связи, важность контроля пролетариатом руководства, «научный централизм» парализует мышление общества как системы, т.к. не дает выразить скептицизм (вторая стадия мыслительного акта по Гегелю, она же антитезис) по отношению к тезису (основанному на представлении руководителей решению власти).»

В этом абзаце полный набор спекуляций на понятии «практики». Как выше я уже говорил, практика, тем более, современная – это реализация теории, и никак иначе. Практика без теории – это когда эпилептик в судорогах чашку ест, или свободное падение оступившегося с высоты, когда человек телом совершает кое-какие действия, но никакой теории при этом не успевает привлечь. Хорошая теория – продуктивная практика, плохая теория – бесплодная практика. Представление о том, что некто А дает теорию, а Б реализует ее на практике есть некоторое утрирование, в бытовых вопросах допустимое, а в философских вопросах нетерпимое ни под каким соусом. Потому что Б для реализации теории на практике должен ей сначала овладеть. И мы имеем не мудрецов, которые дают теорию, реализуемую рабочими, а рабочих, которые УЧАТСЯ

теории и применяют ее на практике. Чисто теоретически можно использовать массы «вслепую», как Гапон, как Навальный, но, опять-таки, метод слепого использования предполагает ЛОЖНУЮ ТЕОРИЮ в мозгах исполнителей, а вовсе не отсутствие теории как таковой. Так вот, обратная связь от практики к теории осуществляется через отражение и осмысление опыта субъектом практики. О каком осмыслении практики человеком, у которого в мозгах ложная или плохая теория, можно говорить? Что осмыслит человек, ничего не знающий? Беда многих рассуждающих о «практике животворящей» в том, что они тех самых рабочих и интеллигентов ни черта не знают, а потому им невдомек, что в мозгах рабочих и ИТР, не обогащенных марксистской теорией, капиталистическая практика уже много лет как отражается в форме анархизма, национализма, религии, либерализма и пр. гадостей. Именно в этой «обратной связи» желают участвовать противники НЦ? Увлечение абстрактом играет дурную шутку с любителями абстрактных схем типа «тезис-антитезис-синтез», потому что субъект отражения в материалистической теории познания в каждом конкретном случае един, его нельзя разорвать на некоего абстрактного «практика» и «теоретика», практик и теоретик едины в одном лице. Научный централизм как раз стремится к тому, чтобы практик овладел КАЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИЕЙ.

Второй распространенной спекуляцией на понятии «практика» является представление, что, в представлениях противников НЦ, теоретики – это некие марсиане, сидящие в некоем «сферическом вакууме», никоим образом не включенные в практику. Во-первых, формирование теории само по себе является практикой решения интеллектуальных задач в силу того, что любая социально значимая деятельность, без теории никакой прогрессивной практикой быть не может. Во-вторых, это уже сто раз говорилось еще Лениным и Сталиным, что теоретики (вожди) есть непосредственная составная часть субъекта социальной практики – т.е. класса. В-третьих, сторонники НЦ, занимающиеся преимущественно теорией, живут непосредственно в этом обществе и включены в социальные связи этого общества. Когда Антонов говорит о «мудрецах», то он забывает, что он при этом абстрагируется от всех остальных социальных связей и всей остальной социальной практики конкретных людей. Среди активистов журнала «Прорыв» нет людей из хрустальных замков на вершине горы. Есть научные работники, есть инженеры, есть служащие, есть студенты, есть рабочие, которые ежедневно занимаются той самой практикой, о которой так много рассуждают противники НЦ. И, если говорить о качестве обратной связи, то есть существенная разница именно в качестве связи от рабочего, который изучил основные марксистские работы, загрузил свой мозг диа-

лектикой, материалистической философией, которые самостоятельно учатся практически ежедневно кроме работы по найму, и от любителя пива, у которого и курс его собственной специальности, который он изучал в ПТУ, в голове не задержался, а читать он умеет только освежитель в туалете.

2. Познание и противоречивость

А) Противоречиво ли познание

Полная путаница с теорией познания у Антонова проявляется и в утверждении о том, что противоречивость есть свойство познания:

«Другим свидетельством антидиалектичности вашей позиции является идея «научного единомыслия». Это оксюморон - еще Кант доказал, что познание по природе своей антиномично. Противоречия - примененное условие развития в диалектике; значит свободно от противоречий только то, что не развивается.»

Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что вопрос о научном единомыслии закономерно вытекает из единственности истины. Истина не может быть внутренне противоречивой, так как истина есть строгое соответствие сознания объективной реальности, а в реальности... никаких противоречий нет. Противоречие - целиком продукт сознания, это результат АБСТРАГИРОВАНИЯ от конкретных свойств единых вещей, когда одна ЧАСТЬ противоречит ДРУГОЙ ЧАСТИ в абстрактной форме. Объективно существующие противоположности - являются свойствами одного и того же общего, которое в абстрактной форме не может быть самопротиворечиво. Изучение Гегеля должно бы подсказывать, что процесс познания - это и есть снятие противоречия, возникающего в сознании при изучении всех свойств предмета. По Гегелю, в абсолютном духе (в нашем случае, истине) нет никакой противоречивости. Кант потому и остался Кантом, что не смог решать вопрос снятия антиномий, для Канта противоречие абсолютно и уходит корнями в **непознаваемое**, если несколько утрировать. Изученное противоречие есть снятое, потому требование антиномичности для науки - это требование «вечного невежества». По Антонову получается, что его «мудрецы», вечно изучая... ничему не учатся, а безрезультатно упражняются в тезисе-антитезисе. Если мы посмотрим на посиделки любых оппортунистов, то мы увидим именно эту картину - вечные споры, и никакого конечного решения.

Другое дело, что любое единомыслие ОТНОСИТЕЛЬНО, в силу НЕПОЛНОТЫ ПОЗНАНИЯ, и полное единомыслие есть абстракция, к которому организация стремится точно так же, как в матери-

алистской диалектике познание стремится к абсолютной истине (а Антонов посвятил немало интеллектуальных сил в борьбе с химерой). Развитие познания остановиться может только в том случае, когда будет познано ВСЕ ВООБЩЕ, а до тех пор, пока есть непознанное, ЧАСТЬ познанного, познанное неполно всегда будет до некоторой степени «противоречиво» в терминологии Антонова - то есть, относительно нее будут одновременно существовать противоположные мнения. Проблема с единомыслием состоит конкретно в качестве того, что является познанным полно. Релятивисты отказывают вообще любому знанию в полноте познания безотносительно меры познания, на этой же позиции, по существу, Антонов и стоит - если противоречивость знания имманентное свойство любого знания, то да, единомыслие не развивает познания. Но при этом и ничего познанного у нас нет, такая вот форма агностики.

Б) В чем различие противоречия и противоположности.

Вопрос о разделении противоречия и противоположности для некоторых товарищей оказался, судя по откликам на небольшую заметку в соцсетях, также в новинку. Дело в том, что в диалектике с давних пор, от самого Гегеля, эти понятия смешиваются, в первую очередь благодаря самому Гегелю, хотя у него же вполне показано и различие. Для Гегеля собственно предметы материального мира между собой не оперировали, а оперировали понятия этих предметов - или сущности. Наука о понятиях, логика, до Гегеля не знала понятия противоположности в специфически гегелевском понимании - как сущность, определенную через противоположение другой сущности, но при этом являющейся формой третьей, более общей сущности, и в этом смысле находящейся в единстве, в то время как противоречие формальной логикой понимается как противопоставление самому себе. Понятие противоположности, по сути, как раз и было тем прорывом, который позволил Гегелю выйти за рамки формальной логики. Чисто гносеологически проблема, которая стояла перед философами-метафизиками, ставится следующим образом:

- есть объективная реальность, которая живет по собственным законам;

- есть теоретическая модель, выраженная в понятиях, которые предельно формализованы с тем, чтобы можно было проводить простые операции.

- налицо недостаточность формально-логических способов раскрытия сложных отношений между реальными объектами, так как при определении понятий теряется полнота отношений между ними. Эта неполнота проявляется в форме противоречия - когда сущность противоречит сама себе. Над этой проблемой ломали голову и философы, и матема-

тики, пытаясь описать логикой реальный мир, который никак не хотел ей описываться. Из-за ограниченности понятия как средства оперирования логикой (которое никак нельзя было расширить, ибо, в такой случае, всякий смысл в формализации исчезал, и оперировать пришлось бы конкретными предметами, а не общими формами - понятиями) поиск велся в методологическом направлении. Спрашивается – каким образом логическим аппаратом восполнить недостаток, который проистекает от того, что формализация, определение понятий предполагают обеднение содержания предметов и отношений между ними?

Гегель этот аппарат разработал – он а) ввел понятие «различие», которое не есть противоречие (для формальной логики различное уже само по себе противоречиво), б) ввел понятие противоположности – как различные части целого, определяемые друг через друга, и которые также не противоречие. Противоречие же осталось самоотрицанием. Борьба противоположностей доходит до противоречия – когда разность сторон противоположности такова, что отрицает само себя, и оно же снимается в более общем понятии. Всякое конечное имеет более общее, а потому противоречие – это лишь момент, абстракция.

Конкретней Гегель пишет в «Положении о противоречии»:

«Но мыслящий разум заостряет, так сказать, притупившееся различие разного, простое многообразие представления, до существенного различия, до противоположности. Лишь доведенные до крайней степени противоречия, многообразные (моменты) становятся деятельными и жизненными по отношению друг к другу и приобретают в нем ту отрицательность, которая есть имманентная пульсация самодвижения и жизненности... Вещь, субъект, понятие есть именно это само отрицательное единство; оно нечто в себе самом противоречивое, но точно так же и разрешенное противоречие, оно основание, которое содержит свои определения и свой носитель.»²

В этом смысле противоречия не существуют в реальности. Терминологическое смешивание понятия «противоположность» и «противоречие» и механическое перенесение «борьбы противоречий» в вопрос о познании, вульгарно выраженное в тезисе, что «познание антиномично» основывается на непонимании, что в диалектике «тезис» не есть то, что понимается в быту под словом «тезис», а есть

абстрактное выражение стороны противоположности. И «антитезис» в диалектике – это также условность, а вовсе не любое противоположное утверждение. Человеческое сознание оперирует непротиворечивыми понятиями, противоречие для сознания – это всегда тупик, причем заложенный изначально в самом процессе познания, в природе отражения, в заведомой неполноте знания. Диалектика не «разрешает» сознанию быть противоречивым (а это мнение вполне распространено среди тех, кто поверхностно знакомился с диалектикой), она методологически компенсирует неполноту познания, т.е. **позволяет избежать этой самой противоречивости**, приблизить сложность и многообразие мира к формально-абстрагированной модели в сознании.

Попытки оппортунистов опереться на неверно понятое диалектическое учение о противоречии и противоположности – это в значительной части и зачастую не столько выведение из плохо освоенных общих категорий, сколько подгонка гносеологии под стандартные оппортунистические воззрения. Буржуазные представления о конкурентности как единственном механизме определения «истинной стоимости» переносятся оппортунистами во все остальные области – в том числе и в вопрос о познании истины. В силу несложности этой теории эти идеи перенимаются и левыми – казалось бы, чего проще: хочешь узнать истину – посадил перед собой оппонента и соревнуйся, истина сама родится. Научный централизм, требующий самостоятельного, последовательного, философски непротиворечивого знания, добросовестной работы в первую очередь над собой для познания истины закономерно не может в среде пробавляющихся задами буржуазной идеи о конкуренции как панацее всего и вся, вызывать хоть какой-то симпатии. Оригинальность Антонова можно заметить разве что в том, что он попытался терминологически одеть это кредо оппортунизма в философские одежды. Обычно сторонника «практики» на большее, чем выведение примата материи из утверждения, что «материя первична, сознание вторично», не хватает.

Ну, а на тему «культ личности» (этого старого пугала разнообразных левачков) - Шолохов очень ярко и афористично решил проблему - **«был культ, но была и личность»**. В абстрактной форме это подразумевает, что компетентность - это содержание управления, а «культ» или не культ - это лишь форма управления. Цепляние за пустые, бессодержательные формы никогда никому не приносило пользы, но зато плодило множество исторических анекдотов.

Февраль 2016

Редакция журнала « П р о р ы в » :

Мартынов Ю.М.,
(главный редактор),

Подгузов В.А.,

Петрова О.Б.,

Лбов А.В.,

Новак В.Т.,

Федотов Н.

**Кандидаты
в состав
редакции:**

Грано И.,

Смагин Г.

Н а ш и к о н т а к т ы :

Почтовый адрес :

109378, г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны:

(495) 378-37-59 Петрова О. Б.

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших
авторов в рубриках:
экономика, политика,
философия, этика, история,
военные вопросы, рецензии и
критика, политическая
публицистика, юмор, а также
большую подборку
коммунистической музыки,
коллекцию ссылок на
марксистские издания и
библиотеки, листовки по
актуальным вопросам,
исторические документы и
исследования.

На наш журнал и исторический
сборник можно подписаться. Для
этого нужно написать в редакцию
письмо или связаться с ней по те-
лефону, и с этого времени Вы бу-
дете получать наши журналы и/
или сборники по почте или лично.
Цена одного экземпляра журна-
ла или сборника с учетом почто-
вых расходов 60 рублей.

Редакция работает на общественных началах.

*Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Цена свободная. Тираж 1000.
Объем 54 стр. формата А4.
Подписано в печать 15.02.16.
Дата выхода в свет 19.02.16.

Зарегистрирован Центральным
территориальным управлением
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и
средств массовой информации.
Свидетельство о регистрации ПИ №1-
00915 от 20 декабря 2002 г.
Учредитель Петрова О.Б.

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.